

Дарья Калинина

С милым и в хрущевке рай

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Александровна Калинина
С милым и в хрущевке рай
Серия «Иронический
детектив (ЭКСМО)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25205037

Калинина, Дарья Александровна. С милым и в хрущевке рай : [роман]:

Издательство «Э»; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-99720-6

Аннотация

Что делать, девочки, когда все кругом только и думают, как отобрать у тебя драгоценные двадцать метров в хрущевке? А что делать – бороться! Представить себе, что драгоценные метры – это бесценный муж, а уж мужа-то от чужого глаза каждая российская женщина сумеет защитить. Вот и Стеша теперь воюет за золотую недвижимость в Петербурге – и хорошо бы с какими-нибудь чиновниками, а то с кровавым пятном, которое расплывается на полу и никак не желает оттираться. Но разве позволит простая русская женщина какому-нибудь пятну выжить себя с занимаемой жилплощади, если в этих метрах – жизнь, любовь, приданое и капитал на черный день?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дарья Калинина

С милым и в хрущевке рай

© Калинина Д.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Визит к любимой тетушке Стеша обычно старалась приурочить к какому-нибудь событию, чтобы у той не возникло бы вопросительных взглядов, а чем, собственно говоря, дорогая племянница, обязаны твоему посещению? Таких взглядов Стеше хотелось избежать.

Нет, не то чтобы тетя не любила, когда Стеша к ней приходила или чтобы она вовсе не любила Стешу, такого тоже никогда не наблюдалось. Тетя всегда была подчеркнута внимательна к Стеше, неизменно поздравляла ее со всеми праздниками и дарила племяннице хорошие и зачастую дорогие подарки. Но все-таки у тети были своя семья и собственная весьма насыщенная событиями жизнь, куда Стеша допускалась лишь по особым случаям. Например, по праздникам.

Со своей стороны, тетушку Стеша любила, но в то же время она и немного робела перед ней. Тетушка была человеком ярким, имела большой круг общения, в котором пользовалась большим уважением. Она уже отпраздновала свой восьмидесятый день рождения, но при этом пребывала в здравом уме и почти что здоровом теле. Разные мелочи вроде ухудшившегося зрения и раз в месяц разыгрывающегося радикулита или ломоты в коленях в счет, конечно, не шли и жить тете полной жизнью никак не мешали. Это была сушная ерунда. И когда тебе идет девятый десяток, обращать внимание

на такие мелочи, как говорила сама тетушка, – просто Бога гневить.

До самого последнего времени тетушка вела настолько активный образ жизни, что Стеша, которая была моложе своей тети на добрых сорок лет, чувствовала себя в какой-то степени ущемленной. Как у тети получается дважды, а то и трижды в год совершать заграничные турне? И ведь иногда тетя отправляется в очень далекие путешествия. А Стеша? Прямо зависть берет, как сравнишь себя с тетей.

Сама Стеша в последний раз выбиралась дальше чем за сто километров даже не в прошлом и не в позапрошлом, а позапозапрошлом году. И то это была не Европа, не Азия и даже не Краснодарский край, а всего лишь Выборг, до которого всего-то километров сто восемьдесят. И это происходит в ту пору, когда тетушка посещает Каталонию, Норвегию и даже в Китай слетала не один, а целых три раза, мотивируя это тем, что страна эта слишком велика и разнообразна, чтобы за один раз составить о ней полное мнение.

В деньгах тетушка стеснения не ощущала. Хотя она уже была на пенсии, но достойный уровень жизни ей помогала поддерживать стабильная рента, которую тетушка получала от двух квартир, сдаваемых ею в аренду. В общем, жизни тетушки можно было бы только позавидовать. Немногим удастся просто дожить до ее лет. А уж дожить, продолжая получать от жизни удовольствие, – таких и вовсе считанные единицы. В глубине души Стеша всегда мечтала быть похожей

на свою тетушку. Быть всегда такой же расположенной к людям, доверчивой, искренней и откровенно интересующейся всем, что происходит вокруг тебя.

– Как бы я хотела быть похожей на вас!

Тетя в ответ неизменно отвечала:

– Ты и похожа!

Но, конечно, обе они знали, что это не так. Стеше не хватало энергичности своей тети. Стеша была домашней девочкой. И еще она была мечтательница. Могла часами сидеть в задумчивости, думая неизвестно о чем. А вот тетушка мечтать совсем не любила. Или мечтала о вполне конкретных вещах, которые хотела получить и которые обязательно получала.

Для тетушки все изменилось с кончиной ее очередного супруга, то ли третьего, то ли четвертого по счету. Стеше казалось, что на этот счет у самой тетушки не было четкого мнения, потому что количество мужей менялось у нее в зависимости от настроения и погоды. А то случалось, что и просто в течение одного разговора количество мужей то увеличивалось, то уменьшалось.

– Все мои мужья были людьми исключительными, – нахваливала при этом своих супругов тетушка. – Жить с ними мне было всегда необычайно интересно. И я благодарна им всем за то, что они выбрали в свое время в жены именно меня. Виктор Геннадьевич, Сергей Геннадьевич и Александр Геннадьевич – все они были людьми незаурядных качеств и

потрясающей работоспособности. Работа, их дело было для них всем!

То обстоятельство, что все трое супругов тетушки имели одинаковое отчество, всегда забавляло Стешу. Причем Геннадьевич – это вам не Александрович и не Алексеевич, таких отчеств не так-то много. Кот наплакал, если честно. А вот тетушке повезло наткнуться в своей жизни на Геннадьевичей трижды.

Образ первого мужа тетушки, Виктора Геннадьевича, девушка могла воссоздать лишь по фотографиям. Виктор Геннадьевич скончался уже давно, еще до рождения самой Стеши, и потому на его счет в памяти девушки сохранился лишь очень размытый образ невысокого человека с быстрым и веселым взглядом на фотографии у тетушки в альбоме. По словам своих близких, Виктор Геннадьевич был большой шутник, любил и умел рассказывать острые сатирические анекдоты и при этом, кажется, служил в КГБ. Кажется, потому что никто особо не распространялся о службе Виктора Геннадьевича.

Сам же Виктор Геннадьевич по этому поводу шутил так: «В каждой советской семье имеется близкий друг – кагэбэшник. Но не каждая семья знает об этом». От него у тетушки был сын Слава.

Второй муж тети, Сергей Геннадьевич, был военный, старый друг семьи, с ним тетушка прожила на Кубе несколько счастливейших лет своей жизни, наполненных ярким солн-

цем, морем и чудесным дружелюбным народом. С распадом СССР закончилась и эта сказка. Военное присутствие СССР на Кубе было свернуто, военные базы закрыты, техника и воинский состав выведены с острова. Тетушка с мужем вернулись домой. Муж распада державы, которой верно служил и чьим идеалам искренне верил, не вынес и по возвращении пустил себе пулю в висок.

Не мог, понимаете ли, видеть, как все рушится.

Но поговаривали, что идеологические соображения в этой истории имели опосредованное значение. Дело заключалось главным образом в том, что против Сергея Геннадьевича военной прокуратурой было возбуждено дело о хищениях в его части. Но так или иначе, после смерти Сергея Геннадьевича всякое расследование на его счет было прекращено, что позволяло тетушке утверждать, что ее второй супруг ушел на тот свет с незапятнанной репутацией, и получать его пенсию.

О третьем, предпоследнем супруге тетушки известно было меньше всего, прямо сказать, даже совсем мало. И это было странно, потому что по временной оси он был ближе, чем Виктор Геннадьевич и даже Сергей Геннадьевич, но об этих Стеша хоть что-то знала, а вот насчет третьего мужа тетушки не знала даже его имени. Да и четкости в хронологии его появления в жизни тети тоже не наблюдалось. То этот таинственный персонаж возникал между Виктором Геннадьевичем и Сергеем Геннадьевичем, то появлялся уже после них, а то иногда совершенно неожиданно прорезывался в расска-

зах у тетушки где-то совсем уж в ее ранней юности.

Об этом человеке тетушка говорила всегда мимоходом, брак их то ли не был зарегистрирован вовсе, то ли прекратился слишком быстро, об этом оставалось только гадать. Никаких подробностей тетушка не выдавала. И даже имени этого своего таинственного мужа не называла.

Все друзья и подруги тетушки также не имели информации на этот счет. Никто из них третьего супруга тетушки не видел, ни с кем тетушка его не знакомила, что при ее открытости было довольно странно. Стеша даже иногда думала: а был ли этот муж? Но склонялась к мнению, что все-таки был, потому что тетушка не была склонна привирать и даже фантазировать не любила. Как было, так и рассказывала, не заботясь, как к этому отнесутся слушатели.

– На правду не обижаются, – поговаривала она. – Что есть, то есть. К чему что-то там скрывать, таить и лукавить? Лучше уж честно сказать, что думаешь о том или другом, чем солгать, а потом мучиться.

При этом она почему-то всегда смотрела в сторону Стеши и выглядела при этом смущенной, словно знала за Стешей какой-то грех или подозревала свою племянницу в сокрытии чего-то тайного. Стеша всегда от этого тетиного взгляда смущалась и не знала, как ей реагировать.

Итак, полная ясность была лишь с четвертым супругом, которого Стеша хорошо знала и даже любила. Этот четвертый и последний на сегодняшний день супруг тетушки Алек-

сандр Геннадьевич скончался не так давно, пару месяцев назад, но жизнь тетушки его кончина изменила кардинально. Остаться одна в огромной и опустевшей квартире она не пожелала. Несмотря на то что рядом с ней была толпа приятельниц и племянница, тетушка хотела переехать в Москву поближе к Славе, сыну от первого брака, и Васе – своему любимому внуку.

Узнав о решении тети, Стеша огорчилась.

– А как же я? Я уже привыкла, что вы тут.

– Как привыкла, так и отвыкнешь, – доброжелательно, но в то же время не терпящим возражений тоном сказала ей тетушка.

У Стешы на глазах навернулись слезы.

– Не плачь, Стеша, может, я еще вернусь.

– Когда?

– Как помру, так точно приеду, – бодро отозвалась тетушка. – Потому как положить меня прошу все-таки к Александру Геннадьевичу.

И пока Стеша пыталась совладать с дыханием, чтобы не задохнуться совсем от слез, тетя невозмутимо добавила:

– Вот ведь как бывает в жизни, Стеша, когда умер у меня Виктор Геннадьевич, я думала, что когда-нибудь с ним рядом лягу. И местечко себе присмотрела под березкой рядышком с ним. Потом вышла замуж за Сергея Геннадьевича, овдовела и думала, что устраюсь я рядом с Сергеем Геннадьевичем. А теперь вот уже мне окончательно ясно, что

место мое будет возле Александра Геннадьевича. Слышишь меня, Стеша? Только рядом с ним! И ты уж проследи, если никого другого не будет, чтобы я оказалась именно там, с Александром Геннадьевичем, а не где-нибудь в другом месте.

Стеша шмыгнула носом и предположила:

– Тетя, да вы, может быть, еще замуж успеете сходить.

– Нет, Стеша. Поздно мне уже юбкой крутить. Да и не хочу. Стара я для таких глупостей. И мысли все какие-то неподходящие крутятся.

– Какие еще мысли?

– Знаешь, когда рядом с тобой твои ровесники с неприятной регулярностью переселяются один за другим в мир иной, поневоле задумываешься, а кто следующий? Вдруг ты сама? Я как-то раньше о таком не задумывалась, а теперь вот думаю.

– Вы и до ста лет проживете.

Стеша сказала это машинально, но тетя откликнулась с живостью:

– Есть такие планы, – призналась она. – Не знаю, осуществятся ли. А то страшно умирать-то. Но не скоро это еще будет. Ведь у нас в роду по женской линии все долгожители. Бабушка моя умерла в девяносто семь, пережила она и Первую мировую, и Гражданскую войну, и Великую Отечественную. Твоя собственная бабушка в девяносто три скончалась, война, эвакуация – все ей оказалось нипочем. А до

этого еще были страшные 1930-е годы, когда твоя бабушка почти совсем по ночам не спала, каждую ночь все ждала, что раздастся на лестнице стук подкованных сапог и что за ними всеми придут. Они ведь из дворян, ты это знаешь, так что все могло быть. И другие женщины у нас в роду, если в молодости не умирали, потом долго жили. Так что поживу еще, как ты думаешь?

Стеша кивала и молча соглашалась, что при нынешнем уровне медицины у тетушки были хорошие шансы отметить свой столетний юбилей. Стеша искренне желала тетушке долгих лет жизни, потому что была к ней очень привязана. И ей совсем не нравилась мысль, что тетя уедет жить в другой город, и Стеша, возможно, ее не увидит еще очень долго. Со Стешиной-то мобильностью и семьсот километров превращаются в семь тысяч.

– Может, останетесь? – печально пыталась разжалобить она тетку.

– Нет, уеду. Что мне тут делать? Никого у меня здесь нет.

– Как это никого? А я!

– Ах, ну да, ты у меня есть, – вроде как спохватывалась тетушка.

Слышать это было немного обидно, но Стеша молчала. Она отдавала себе отчет, что как племянница она не может конкурировать с обожаемым сыном. Ну и ладно. Лишь бы тетя была счастлива. А со Славой и Васей ее тетушке будет хорошо. Сын у тети получился замечательный, внимательный

и в матери души не чаёт, внук тоже славный парень. Правда, в жизни ещё не определился, но образование получил. А если есть диплом, то и работа рано или поздно хорошему человеку тоже найдётся.

Тетя уже не первый день занималась улаживанием различных юридических тонкостей, чтобы вступить в наследство после Александра Геннадьевича без помех. Требовалось раздобыть то одну бумажку, то другую, то третью. Но тетя мужественно продиралась через все эти хитросплетения юридической системы, потому что планировала на полученные от продажи этой квартиры в Питере деньги купить рядом с сыном ещё одну квартиру в Москве. Площадь терялась больше чем в два раза, но что за беда, если рядом будет любимый сын и его семья?

На пятое апреля был назначен отъезд тети в Москву. Но первого тетя позвонила Стеше и каким-то не своим голосом попросила её приехать. Часы показывали половину десятого вечера. И Стеша сначала решила, что это нечто вроде первоапрельской шутки со стороны тети.

Она даже проворчала в трубку:

– Немного поздновато вы решили надо мной пошутить.

Но тетя настаивала:

– Ты мне нужна! Приезжай!

И голос у тети был таким, что Стеша тут же выбралась из-под уютного одеяла, набитого легчайшей шерстью мериносов, оделась потеплее, потому что погода на улице стоя-

ла отнюдь не апрельская и даже не мартовская, и отправилась в путь. Едва Стеша вышла из дома, как ее чуть не сбил с ног порыв холодного ветра. С Финского залива на город шла буря, градусник застыл на отметке плюс два градуса, но по ощущению было даже холодней, чем в декабре. В те дни в Ботаническом саду вдруг зацвела сирень, и казалось, что весна уже наступила. А вот сейчас казалось, что вновь наступает зима.

Недоумевая, что могло заставить ее разумную тетю выдернуть свою племянницу в такой час и в такую непогоду из дома, Стеша мужественно продиралась сквозь дождь и ветер навстречу к своей единственной близкой родственнице. Сложней всего оказалось поймать машину. Тетя почему-то запретила Стеше вызывать или даже останавливать такси, велела поймать частника.

– И остановиться его попроси, пожалуйста, возле продуктового магазина. Поняла?

– Да.

– Запомнила? Сделаешь, как я тебя просила?

– Да.

– Хорошо, потому что это важно. И приезжай скорей!

Этот магазин находился в соседнем доме. И Стеша решила, что тете нужно что-то купить. Хотя и странно, что ей могло так безотлагательно понадобиться? И вообще, если уж понадобилось бы, тетя и сама могла сходить. Она всегда так и делала. И даже сердилась, когда Стеша пыталась принести

тете какие-то продукты, например такие тяжелые, как картошка, молоко или минеральная вода.

– Я отлично справляюсь сама, – твердила она. – Будет надо, я тебя позову. А пока мне ничего не надо.

И вот теперь, выходит, понадобилось. Впрочем, продукты питания тетя не просила принести, хотя выйти Стешу попросила у магазина. Стеша специально спросила, не купить ли чего, но тетя лишь хотела, чтобы Стеша к ней приехала, причем как можно быстрее, но при этом ехала бы не на такси и высадилась у соседнего дома, от которого до дома самой тети надо было еще прилично топать пешком, что тоже отнимало какое-то время.

Все это, вместе взятое, выглядело в высшей степени странно, и Стеша терялась в догадках. Может быть, тетю все-таки накрыло старческое слабоумие? Но почему так неожиданно? Или так оно и бывает?

Увы, посоветоваться девушке было не с кем. Стеша жила одна. Ни мужа, ни любовника у нее не имелось. А после смерти родителей количество родственников катастрофически сократилось. Ни братьев, ни сестер у Стешки не было. Вот тетя имелась, и то хорошо. Да еще двоюродный брат – Слава. Пусть в другом городе, но все лучше, чем совсем никого. Хоть какая-то иллюзия, что ты не одна во всем белом свете.

Самой заветной мечтой Стешки было иметь многочисленную и полнокровную родню. Чтобы и бабушки, и дедушки, и тети, и кузины, и дяди с внучатыми племянниками присут-

ствовавали в изобилии. И пусть бы вся эта семья жила по всей стране, а еще лучше – была бы так велика, чтобы расселилась по всему миру. Но... но пока что имелась одна тетя, и Стеша спешила к ней изо всех сил.

Тетя открыла ей дверь так быстро, словно бы ждала в прихожей. Видимо, так оно и было, потому что едва Стеша открыла рот для приветствия, как тетя протянула свою руку и быстро втянула племянницу в глубь квартиры. После этого она плотно прикрыла дверь, защелкнула замок, потом еще один, потом взглянула в глазок и лишь после этого спросила:

– За тобой никто не шел?

– В смысле? В лифте со мной какие-то люди ехали.

– Какие люди? – взволнованно поинтересовалась тетя.

– Соседи. С верхнего этажа.

– Ты их раньше в доме видела?

– Да. Конечно. Иначе откуда бы я знала, что они живут наверху?

Тетя промолчала, озабоченно пожевав губами. Пока Стеша раздевалась, тетя присела на мягком диванчике. Вид у нее было донельзя встревоженный и в то же время растерянный. Честно говоря, Стеше никогда раньше тетю в таком возбужденном состоянии видеть не приходилось.

– Что-то случилось?

– Случилось, да.

Больше тетя ничего пояснить не пожелала, а уставилась

сквозь племянницу каким-то отсутствующим взглядом. Стеша ее не торопила. Как уже говорилось, она свою тетю немного побаивалась, поэтому смиренно ждала, когда тетя соизволит ей сама объяснить, зачем выдернула ее в такое время из дому. Время шло, тетя молчала. Стеша переобулась в мягкие домашние тапочки и вопросительно взглянула.

– Скажи мне, – начала тетя, – как, по-твоему, я нормальная?

– Конечно.

– Нет, ты только честно мне ответь!

– Конечно, вы совершенно нормальная.

– А могла бы я убить человека? А?

– Никогда в жизни!

– Вот я тоже всегда так думала, – со странным удовлетворением отметила тетя. – Но теперь я в этом уже сомневаюсь.

Затем она быстро встала с диванчика и двинулась вдоль по коридору, коротко велев Стеше:

– Пойдем со мной.

Они миновали все пять комнат, чьи двери выходили в один просто бесконечный какой-то коридор, тянущийся вдоль всей квартиры, и пришли на кухню. Тут тетя указала рукой на середину кухни и спросила:

– Что видишь?

Стеша пожала плечами.

– Ничего.

– А если присмотреться?

Стеша наклонилась, присмотрелась и честно ответила:

– Ничего! Немного пыли, и все.

– Крови не заметно?

Стеша вздрогнула и взглянула на тетю. Что это? Странная манера шутить, которая у тети прорезалась неожиданно-негаданно? Или все-таки ее первоначальная догадка была верна и старческий маразм накрыл-таки ее тетю?

Стараясь, чтобы голос ее звучал ровно, Стеша ответила:

– Крови нет.

– Точно?

– Точней не бывает.

– Посмотри получше, – упрямо настаивала тетя.

– Я хорошо смотрела, – ей в тон ответила Стеша. – Крови нет.

Тетя плюхнулась на стоящий рядом с ней стул. Вид у нее был обреченный.

– Я выжила из ума, – сообщила она Стеше.

– Да что вы, тетя!

– Это точно! Я спятила! Я жалкая полоумная старуха, и мне чудятся вещи, которых нет и в помине.

– Со всеми случается.

Тетя с интересом взглянула на Стешу.

– Что, и тебе случалось видеть тело мертвого человека у себя в квартире?

Стеша опешила и смогла выдавить из себя лишь:

– Ну...

– И часто такое у тебя бывает?

– Н-н-нет, – через силу выдавила из себя Стеша. – Чтобы мертвого – такого не припомню, врать не стану. Но вот в толпе иной раз померещится знакомое лицо, подойдешь, а этого человека там и нет вовсе.

– Такое со мной тоже много раз случалось, – отмахнулась тетя. – Я не о том тебе толкую. Чтобы вот так прямо бы лежал в луже крови у тебя на полу в квартире, такое с тобой было?

Стеша была честной девушкой и потому сказала правду:

– Нет, такого не было.

– А вот со мной было.

В голосе тети прорезались даже нотки какого-то торжества. Мол, обошла я тебя, племянница дорогая. Но тетя быстро спохватилась, смекнула, что гордиться тут нечем, и снова встревожилась:

– Как ты думаешь, мне теперь нужно обратиться к врачу?

– Наверное.

– Ох, не хочу. Вдруг врач объявит меня сумасшедшей? Я всегда так гордилась, что в своем уме, а тут мне вдруг заявит, что я чокнутая, выжившая из ума старая идиотка?

Стеша молчала, не зная, что на это сказать. Но потом ее осенило:

– Тетя, а кого вы видели? Это был какой-то посторонний мертвец?

– В том-то и дело, что нет. Я видела Сережу. Своего... пасынка.

Сереей звали сына Александра Геннадьевича от прежнего брака. Сережа был не самый приятный человек. К тому же к тете он изначально отнесся с большим предубеждением, на первых порах водворения ее в семье устраивал тете бесконечные сцены, оскорблял ее, обвинял в разрушении семьи своих собственных родителей. Был он уже в возрасте, имел собственного сына и даже внуков, которых его сынок настрого, когда ему было то ли семнадцать, то ли восемнадцать лет. Причем детей он сделал девушке много его старше, жениться на которой не пожелал.

Но, будучи уже сам дедом, Сережа отнесся к разводу родителей так болезненно, словно был еще маленьким ребенком. Он кричал, ругался, топал ногами и даже временами принимался плакать и требовал, чтобы родители помирились. А когда этого не произошло, то Сережа во всем обвинил отца. Александр Геннадьевич получался у него глупцом, мама – невинной жертвой, а новая супруга при таком раскладе становилась каким-то чудовищем и спрутом, захомутовавшим его отца обманом и ложью. Объяснить, что это не совсем так, не получалось. Сережа не желал слушать объяснений. Он вообще ничего не желал слушать. Он для себя уже все решил, и другого мнения по этому вопросу быть не могло.

После десяти лет супружества тети и Александра Геннадьевича ситуация несколько сгладилась. Семьи старшего и младшего поколений даже иногда общались. Но, сидя за об-

щим столом, Сережа нет-нет да и вставлял словечко, которое давало всем понять, что он-то ничего отцу и его новой супруге не забыл и ничего им двоим он не простил.

Одним словом, отношения тети с пасынком нельзя было назвать теплыми и дружественными. Ситуация еще больше усугубилась, когда выяснилось, что Александр Геннадьевич оставил завещание, в котором все свое движимое и недвижимое имущество завещал своей любимой жене Александре Евгеньевне, собственно говоря, тете.

Вот тут-то и начался форменный бедлам!

Сережа кричал так, что подвески на хрустальной люстре тряслись и лопались. Он кричал, что это жуткая несправедливость, чуть ли не грабеж! Он обвинил тетю в таких преступлениях, из которых убийство всех ее супругов было самым меньшим злом. Не удовольствовавшись этим, Сережа проклял тетю всеми известными ему проклятиями и даже специально для нее придумал несколько новеньких.

Стеша все эти выступления тетиного пасынка прекрасно помнила. И теперь не удержалась от упрека:

– И после всего этого вы с ним еще общались!

– Как же нам было не общаться? Ведь по делам наследственным мы волей или неволей, но встречались.

Дело в том, что Сережа не ограничился одними устными угрозами в адрес тети. Он и впрямь обратился в суд, требуя, чтобы ему выделили его долю. И напрасно все юристы в голос объясняли ему, что сделать это вряд ли получится, заве-

щение есть завещание, там все четко указано, но Сережа не терял уверенности, что добьется успеха.

– Мне нужны не деньги и не квартира, я хочу справедливости! Не позволю этой особе жить в квартире, в которой должны были жить мама с папой.

– Ваш папа умер.

– Не важно. Там должны жить его прямые потомки!

То есть Сережа, его сын и внуки. И с этой позиции Сережа не сходил.

Припомнив все эти обстоятельства взаимоотношений тети и ее пасынка, Стеша предположила:

– Наверное, Сережа вас так достал, что ваше подсознание «пожелало» увидеть его мертвым.

Тетя кивнула.

– Я тоже сначала так подумала, когда увидела его лежащим на полу в кухне. Решила, что допек он меня, вот и чудится мне, что я его прикончила. Но потом я подошла к нему и поняла, что он тут и впрямь лежит. Я его потыкала, и он был мягкий.

– Вы... Что вы сделали?

– Я его потрогала.

Стеша изумилась отваге собственной тети. Вот это она молодец! Не побоялась. Стеша бы ни за что не решилась на такое.

– И он был в крови. Я испачкала руки и пошла их вымыть. В ванне мне неожиданно стало нехорошо, я вроде как поте-

ряла сознание.

Ну еще бы!

– Когда я очнулась, то обнаружила, что лежу в своей кровати. Как я туда добралась, я не помню. Но о Сереже я помнила. Я пошла на кухню, чтобы попытаться оказать ему помощь или выяснить, что же с ним произошло, но его там уже не было.

– Как – не было?

– Так. Только кровь...

– Лужа?

– Понимаешь, от лужи к этому времени осталось всего несколько небольших пятен. Но и они уже всасывались обратно в пол.

– Что?

– Всасывались в пол, – повторила тетя.

Стеша взглянула на пол.

– Вот в этот самый пол?

– Да.

Пол на кухне у тети был застелен практичным линолеумом, а этот материал никак нельзя назвать гигроскопичным. Всасывать в себя жидкости он не умеет. Что на него пролилось, так там и останется навечно или, во всяком случае, до тех пор, пока жидкость не высохнет. Но если бы на линолеуме высохла лужа крови, то остался бы след. Обязательно. А тут ничего не было. Ничегошеньки.

– Где это было точно?

– Вон там.

И тетя указала на участок пола перед холодильником. Опустившись на колени, Стеша внимательно осмотрела линолеум. Теперь она окончательно убедилась, что он не идеально чист. Линолеум был покрыт какой-то белесой пылью, вроде крахмала или муки. Пыли было совсем немного. Стеша провела по ней пальцем и приняухалась. Пахло какой-то химией. Похоже, тетя в последний раз плохо смыла мыльный раствор, вода высохла, а моющее средство осталось на полу.

– Ну как?

– Ничего. Только какой-то белый порошок.

И Стеша показала тете испачканный палец. Тетя взглянула на палец племянницы равнодушно. Белый порошок, ошибочно принятый ею за обычную пыль, не вызвал у тети каких-то ассоциаций, кроме той, что пол у нее на кухне не очень чистый, это для хорошей хозяйки неудобно, а потому нужно поскорей удалить свидетельницу своего позора из этого помещения.

– Ну и ладно, – произнесла она преувеличенно бодрым тоном. – Значит, мне это все просто показалось.

И выпроваживая Стешу из кухни, она сказала:

– Прости, что я ударилась в панику и выдернула тебя из дома. Пойдем попьем чайку, и я провожу тебя домой.

Чай тетя заварила знатный, душистый и ароматный. Стеша порезала тонкими дольками лимон, достала несколько веточек мяты, настрогала корень имбиря. Что тетя, что пле-

мянница – обе были любительницами чаепитий, вот и сейчас каждая выдула по три чашки. Единственная разница, что тетья пила обжигающе горячий напиток, почти кипятком, а Стеша предпочитала сперва свой чай немного остудить.

Во время чаепития разговор шел на нейтральные темы. Стеша несколько раз порывалась снова заговорить с тетей о случившемся, но каждый раз натыкалась на нежелание тети возвращаться к этой теме. Но уже прощаясь у дверей, Стеша призналась:

– Тревожно мне как-то вас оставлять одну.

– А что со мной может случиться?

Как всегда, тетя храбрилась. Но Стеша все еще не могла забыть свой марш-бросок по темному городу и встретившую ее в дверях перепуганную тетю.

– Чтобы раз и навсегда поставить точку, надо бы вам позвонить Сереже. Узнайте, что с ним.

– Да, ты права, – сказала тетя.

Но произнесла она это таким тоном, что всякому было бы ясно, что звонить кому-либо, и в особенности своему пасынку, тетя ни за что на свете не будет. Что поделывать, тетушка умела быть упрямой словно старый мул. И Стеша знала: если уж тетя что-то вбила себе в голову, переубедить ее будет делом не одного дня.

Выходя из квартиры тети, Стеша обратила внимания на какую-то темную фигуру, метнувшуюся из угла лестничной клетки. В подъезде освещение было тусклым, управляющая

компания не расщедрилась на более мощную лампочку. И этой малютке было не под силу осветить внушительных размеров лестничную клетку. Оба пролета, что вверх, что вниз, уходили и вовсе в непроглядную темень. И кто там притаился, у Стеши не было ни малейшего желания выяснять.

Впрочем, острый запах табака подсказал Стеше разумный вариант. Скорей всего, это прятался от нее кто-то из соседей-курильщиков. Курить в общественных местах, в том числе на лестнице, запрещено, но когда подобные запреты кого-то в нашей стране останавливали? Уж точно не мужей, которых жены и тещи выгоняли курить из квартиры на улицу. И мужиков можно было понять. На улице холодно и ветрено, а в подъезде тепло и тихо. Явный перевес в пользу курения в подъезде.

Так что сбежавшая тень, скорей всего, принадлежала именно такому мелкому нарушителю общественного порядка.

И все же Стеша ушла лишь после того, как убедилась, что в двери за ее спиной защелкнулись оба замка.

Глава 2

Но Стеша ошибалась насчет своей тети и ее ослиного упрямства. Уже на следующий день около полудня тетя позвонила ей вновь.

– Сегодня у меня была назначена встреча с адвокатом. Сережа тоже должен был присутствовать. Но он не пришел.

– Вы ему звонили?

– Адвокат звонил. На сотовый Сережа не ответил. А когда Арам Арутюнович позвонил им на домашний, там трубку взяла Таня.

Таней звали жену Сережи. В отличие от мужа, она с тетей Сашей была всегда приветлива. И поведения мужа в данном вопросе не одобряла.

– Таня говорит, что сама не понимает, где Сережа. Вроде как должен быть дома, но его нет. Таня вернулась из командировки только сегодня рано утром. Приехала на экспрессе из Москвы. Сережа должен был встретить ее на вокзале, но почему-то не встретил, и Тане пришлось даже добираться до дома на такси. Конечно, она встревожилась, но решила, что муж просто крепко заснул и проспал ее поезд. Но и дома Сережи тоже не было. А часы показывали всего пять утра.

Ни записки, ни сообщения, ничего такого, что могло бы пролить свет на то, куда делся Сережа, его жене обнаружить также не удалось.

– А когда она разговаривала с мужем в последний раз?

– Вчера вечером. Было где-то около восьми часов вечера. Они поговорили коротко, Сережа сказал, что собирается ложиться спать. Таня пожелала ему доброй ночи, и на этом разговор окончился. Таня говорит, что все было как обычно.

– В восемь вечера спать? А что так рано Сережу на боковую потянуло?

– Я не знаю, – не без раздражения отозвалась тетя. – Какая разница? Ты понимаешь, в каком положении я очутилась?

– В каком?

– Все знают о наших терках с Сережей из-за наследства. Случись с ним что, кто будет первым подозреваемым?

– Уж точно не вы.

– Почему?

Стеша смутилась. Как сказать ее тете, которая привыкла все и всегда уметь и успевать, что ей, восьмидесятилетней даме, не под силу справиться с еще крепким пятидесятипятилетним мужчиной, да еще и весом в добрый центнер с гаком.

– Ну вы такая добропорядочная дама, – выкрутилась она. – Благовоспитанная и благонадежная. На вас никто не подумает.

– Хочешь сказать, что я такая насквозь порядочная, что не способна на убийство? Хорошо, если у полиции сложится такое же мнение. Кстати, они мне уже сегодня утром звонили.

– Уже?

– Попросят подойти в отделение для дачи объяснений.

Стеша была удивлена. Ничего себе оперативность у наших полицейских! Не успел Сережа пропасть, а они уже звонят потенциальной подозреваемой. Какие быстрые.

– Обычно с момента исчезновения человека должно пройти не меньше семидесяти двух часов, чтобы его объявили в розыск и занялись расследованием его исчезновения.

– Ты это о ком?

– О Сереже. Вас же в отделение зовут из-за его исчезновения?

– С чего ты это взяла? Вовсе нет.

– Тогда зачем вас зовут?

Тетя замялась.

– Понимаешь, – спустя полминуты произнесла она, – я не все тебе рассказывала о своей жизни. Но, наверное, ты знаешь, что уже после кончины Сергея Геннадьевича, но еще до появления у меня в женихах Александра Геннадьевича я тоже состояла в отношениях.

– Да, вы говорили, что у вас кто-то был.

Стеша не стала упоминать, что этот кто-то скакал по тетиной жизни, как блоха по собаке.

– Кто-то, – горько усмехнулась тетя. – Вот именно, что кто-то. Некто Евстищенко Геннадий Аркадьевич. Еще один мой муж! Ах, чувствовала я, что не надо мне связываться с человеком, у которого другое отчество. Но меня смутило

то, что звали его Геннадием. Вот я и увидела в этом знак, подумала, если я была счастлива в двух первых браках, где мужья носили отчество Геннадьевич, может быть, в третий раз мне стоит выйти замуж за человека с таким именем. Понимаешь? Там Геннадьевичи, тут Геннадий. Я думала, это сработает. И я снова буду счастлива.

– Но не сработало?

– Нет, – призналась тетя. – Это был мой самый неудачный брак. Впрочем, это и браком назвать сложно. Наши отношения длились всего несколько месяцев. А затем Гена просто исчез.

– Просто?

– Нет, еще он прихватил с собой все имеющиеся у меня в наличии деньги и золото. Помнишь мою бронзовую шка-тулку?

– В форме черепашки? Я уже давно ее у вас не видела.

– Потому что ее у меня больше нет.

– Ой, как жалко!

Стеша помнила бронзовую черепаху, которую тетя привезла с Кубы. Панцирь черепахи был инкрустирован кусочками перламутра. И это была приличных размеров зверюга, доверху набитая тетиными украшениями. Там были вещи, которые тете достались от ее мамы и бабушки. Но были и те, и гораздо больше, которые дарили тете ее мужья. Особенно запомнились Стеше красивые серьги с изумрудами, кольцо и браслет. Золото было привезено с Кубы. И изумруды в

украшениях были какого-то необыкновенного глубокого зеленого цвета. Стеша даже в глубине души мечтала, что когда-нибудь, ну пусть очень не скоро, но все-таки этот комплект достанется ей. Ведь у тети нет никого другого из наследниц женского пола. И вот теперь выясняется, что от драгоценностей не осталось и следа. Их упер третий тетин муж, какой-то Гена. Спер Стешины изумруды! Гад такой!

– Но это еще не худшее, – произнесла тетушка и окончательно помрачнела. – Дело в том, что Гена исчез так внезапно, что мы с ним не успели прекратить наши отношения... м-м-м... официальным порядком.

Стеша оторопела:

– В смысле?

– Мы не успели с ним развестись.

– Погодите, хотите сказать, что вы все еще замужем за этим Геней?

– Да.

– До сих пор?

– Да.

– А как же тогда Александр Геннадьевич? Вы же были за ним замужем? Или нет?

– Что ты за глупости говоришь? Я – порядочная женщина. Конечно, я была замужем за Александром.

– Официально?

– Разумеется, – важно произнесла тетя.

– Но как же так? Я не понимаю. У вас что, было два мужа?

– У меня был один мужчина – Александр Геннадьевич. А с тем Геной – это была просто глупость.

Стеша решила оставить разбирательство на потом.

– Ну а в полицию вас зачем вызывают?

– Как я понимаю, Гена нашелся. Верней, нашлось его тело.

– Тело?

– Да.

– Значит, он умер?

– По всей видимости. Они сказали тело, значит, умер.

– А вас зачем вызывают?

– Для выдачи тела. В таких случаях тело выдают ближайшим родственникам. Родители у Гены скончались, детей нет, кто остается? Только я – его жена. И они меня каким-то образом нашли.

– Вы бывшая жена! А между бывшими супругами все отношения прекращаются. Вы спокойно можете не идти в полицию. Ничего вам за это не будет. Как бывшая супруга...

– Да нет, – перебила Стешу ее тетушка. – Никакая я не бывшая. По документам Гена числится моим мужем.

Теперь Стеша ровным счетом ничего уже не понимала. Гена и Александр Геннадьевич...

– У вас что, все-таки было два мужа? Одновременно?

– По документам – да. Но жила я с Александром Геннадьевичем. И если ты думаешь, что хоть раз я посмотрела на какого-то другого мужчину, то ты плохо меня знаешь.

– Я понимаю. Вы были верной женой Александру Генна-

дьевичу. Но получается, что вы...

Стеша замаялась, она не знала, как назвать женщину, у которой двое мужей. Если мужчина, то двоеженец. А если женщина, тогда она кто? Двоемужница?

И Стеша в отчаянии простонала:

– Но как это у вас вышло?

– Как вышло, как вышло, – проворчала тетя. – Так и вышло. Гена куда-то исчез, найти его не представлялось возможным. Да мне и не хотелось его искать. И еще меньше мне хотелось афишировать этот брак перед своими близкими, поэтому помощи я ни у кого просить не могла. И особенно мне не хотелось, чтобы об этой глупой истории узнал Александр Геннадьевич. Ты же помнишь, каким он был...

– Правильным.

– Вот-вот, Александр Геннадьевич с его четкими понятиями, что хорошо и что плохо, мог просто меня не понять. Его рациональный ум не воспринимал таких понятий, как порыв, чувство влюбленности. В его понимании присутствие проходимца в жизни любимой женщины накладывало пятно на саму женщину. Присутствие Гены могло нанести моему образу, который прочно сформировался в голове у Александра Геннадьевича, непоправимый урон. Саша мог просто на мне не жениться, сочтя легкомысленной и недостойной доверия особой. А я... я его слишком любила, чтобы так рисковать.

Стеша не стала уточнять, что любовь – это в первую оче-

редь доверие между двумя людьми. Если тетя так этого и не поняла, вряд ли уже поймет.

Вместо этого Стеша поинтересовалась:

– И как же вам удалось выкрутиться? Как вам удалось скрыть Гену от Александра Геннадьевича?

– Ну как... Я потеряла старый паспорт, в котором стояла печать о браке с Геной. А когда получала новый паспорт, просто умолчала о том, что еще состою в браке. И никакой печати мне в новый паспорт не поставили.

– Но когда вы регистрировали свой брак с Александром Геннадьевичем, в ЗАГСе должны были выяснить насчет вашего прежнего брака.

– Да вот не выяснили. Все прошло гладко.

Ничего себе! Гладко!

– Выходит, ваш брак с Александром Геннадьевичем незаконен.

– Что ты такое говоришь! – возмутилась тетя. – Саша мой муж! Это все знают!

Стеша решила не заострять. Оно ей надо? Пусть кто-нибудь другой скажет тетушке, что второй официальный брак при наличии первого, еще не расторгнутого, невозможен. И тут в голову Стеше пришла ужасная мысль. Но если тетя второй раз вроде как замуж и не выходила, получается, что она и наследство после Александра Геннадьевича не может получить. Ведь он оставлял все своей законной супруге... а супруги-то у него как раз и не было.

Но Стеша была девочкой осторожной, она знала, что в общении с пожилыми дамами лучше неприятные сюрпризы сразу же им не выкладывать. Лучше подождать, глядишь, оно и само как-нибудь рассосется.

– Ну а вам, значит, сегодня надо опознать тело этого афериста?

– Не называй его так.

– Но вы сами...

– Мне можно, – важно произнесла тетя. – Я – жена. Верней, теперь уже вдова. А ты не смей! Гена вовсе не аферист. Он человек, попавший в трудную жизненную ситуацию и не сумевший удержаться от искушения.

Вот и пойми ее после этого. Так кто же тогда был этот Гена? Мошенник он или страдалец? Или два в одном?

Стеша так увлеклась рисованием образа совершенно неизвестного ей Гены, что с трудом поняла, чего хочет от нее тетушка.

– Ты поедешь со мной?

– Куда поехать?

– Со мной в отделение ты сможешь поехать? – повторила тетя.

– Когда?

– Прямо сейчас.

Стеша смутилась. Ей очень не хотелось отказывать тете. Ведь тетушка так редко ее о чем-либо просила. А вот сейчас просит.

– Конечно, я приеду. Вы дома? Я уже еду.

Она повесила трубку и тут же столкнулась взглядом с Ящером. Вообще-то звали его Яковом Михайловичем, но все сотрудники называли его в разговорах между собой не иначе, как Ящер. Была у Якова Михайловича неприятная особенность: когда он над чем-то задумывался, то замирал, а его взгляд приобретал удивительное сходство со взглядом рептилии, которая собирается поужинать жирной мухой или кузнечиком.

– Когда он на меня так смотрит, мне кажется, что вот-вот меня сожрут.

Стеша к начальнику относилась максимально лояльно, памятуя, что надо относиться к людям так, как вам бы хотелось, чтобы они относились к вам. Но иногда даже ее ангельскому терпению приходил конец, и она в душе сулила начальнику черта или даже еще чего-нибудь похуже.

– И куда это ты уже едешь? – осведомился у нее Ящер, показывая, что слышал весь разговор Стеши до последнего слова.

– Э-э-э... к тете.

– Да? Вот так уже едешь?

– Ей очень нужно, – торопливо забормотала Стеша. – С ее мужем очень плохо.

– Помнится, пару месяцев назад я отпускал тебя в середине рабочего дня, чтобы ты могла посетить похороны мужа твоей тети. Случайно, не о нем речь?

– Нет, это другой.

– Другой муж? Твоя тетя успела снова выскочить замуж?

– У нее теперь есть другой муж. И ей позвонили из полиции, сказали, что он, похоже, умер.

В глазах Ящера появилось какое-то человеческое чувство, похожее на сочувствие. Стешу он знал почти десять лет. За все это время она проявила себя как безупречный и преданный делу сотрудник. Поэтому Ящер не мог заподозрить ее сейчас во лжи.

– Ну съезди, конечно, – сказал он Стеше почти что душевно, что было на него совсем не похоже. – Помоги тете, чем можешь.

Но стоило девушке двинуться к выходу, как он ее остановил вопросом:

– Твоей тете, ты говорила, уже за восемьдесят?

Не понимая, куда он гнет, Стеша молча кивнула.

– А мне вот еще только сорок, – тоскливо сообщил ей за чем-то Ящер, хотя Стеша, как и все другие сотрудники их банка, прекрасно знала, сколько лет их начальнику, поскольку они все вместе скидывались в прошлом году на подарок на его сорокалетие. – А между тем такой бурной жизни у меня не было и в двадцать. А у тебя?

Стеша пожала плечами. Что тут говорить, не один Ящер был одинок. У нее тоже с бурной личной жизнью не заладилось. Собственно говоря, у Стешки последние несколько лет вообще никакой личной жизни не наблюдалось. Вся ее

жизнь сосредотачивалась на работе. Тут она начиналась, тут же и заканчивалась. И, как ни странно, до сих пор Стешу это вполне устраивало. Да и Ящер никаких признаков расслабленности не проявлял. Стеша одно время даже подумывала о том, а человек ли вообще ее начальник. Вдруг это какой-то автомат, прикрывшийся человеческой плотью.

Что же такое с ним вдруг произошло?

Тетя уже ждала ее, стоя на остановке возле своего дома. На этот раз она и не подумала настаивать, чтобы Стеша ловила частника. С удовольствием села в такси, на котором приехала племянница, и по пути показала ей небольшую памятную карточку, с которой в объектив смотрел симпатичный мужчина неопределенного возраста. Ему могло быть и тридцать, и сорок, и даже больше.

– Это и есть Гена.

– А где вы с ним познакомились?

– Ах, не спрашивай меня ни о чем. И так на душе кошки скребут.

И тетя отвернулась к окну, а Стеша стала разглядывать фотографию.

Честно говоря, если бы Стеша не знала, что этот человек нечист на руку, она бы никогда не заподозрила его в чем-то противозаконном. На этом, видимо, и строился расчет у афериста. Как в таком случае говорил Стешин папа: «Такие честные глаза могут быть только у профессионального жулика».

Сам визит в полицию оставил у Стеши смешанные чувства. Во-первых, никакого опознания как такового не состоялось. И это было, конечно, очень здорово. Не нужно было идти в судебно-медицинский морг, чего так боялась тетья. Все прошло в тиши кабинета следователя, занимавшегося делом Геннадия Евстишенкова.

У следователя тоже была фотография покойного тетиного мужа. Правда, на этой фотографии он выглядел совсем не так молодцевато и подтянуто, как на тетиной. С фотографии следователя смотрел мужчина лет шестидесяти. Но это был тот же человек, что и на фотографии у тети. Были и другие отличия. Фото следователя было сделано в официальной структуре – строгий анфас и такой же профиль.

– Узнаете?

Тетья кивнула. Вид у нее был подавленный.

– Он что? – спросила она. – В последнее время сидел?

– А вы как думали, уважаемая? – грубовато ответил следователь. – Да на вашем так называемом супруге числится без малого полтора десятка больших и малых делишек. Вор, мошенник, сутенер – это самое меньшее из всего длинного списка. У вас лично есть к нему какие-либо нарекания?

– Нет, – покачала головой тетья. – Со мной он всегда был безукоризненно честен, вежлив и галантен.

И ни слова об украденной черепахе, золоте и изумрудах! Стеша поняла, почему ее тетья молчит об украденных драгоценностях, она выгораживает муженька. Не хочет выносить

сор из избы.

– Удивительно это слышать. Вы уверены в том, что говорите?

– Полностью.

– Ну что же... Тогда подпишите протокол опознания вот здесь, и будем считать, что с формальностями покончено. О том, как и когда вы сможете забрать тело, мы вас уведомим позднее.

Тетя подседа к столу, взяла ручку, но подписывать не торопилась.

– Скажите, а как он умер?

– Убит.

Тетя ахнула.

– Как? Как это случилось?

– Желаете знать подробности? К сожалению, не уполномочен делиться такими вещами с вами. По факту убийства Евстишенкова сейчас ведется следствие, и все детали – это служебная тайна.

– Но хотя бы что-то!

– Не могу, – покачал головой следователь.

Был он толст, усат и чрезвычайно деловит. Он без всяких церемоний поторопил тетю поставить свою подпись. А потом занялся своими делами, не обращая на нее больше никакого внимания. Но так как тетя не уходила, ему пришлось ей намекнуть:

– Я вас не задерживаю.

В ответ тетя порылась в сумочке и достала оттуда толстенную пачечку денег.

– Может быть, это поможет вам стать разговорчивей? – помахала она в воздухе деньгами.

Следователь взглянул на нее с недоумением.

– Вы с ума сошли? Вы мне взятку предлагаете? Вы хоть понимаете, что я могу с вами за это сделать?

– Понимаю.

– В камеру захотели? К друзьям вашего Гены?

– Я жена, – произнесла тетя с таким внушительным видом, что даже следователь не смог ее перебить. – А теперь вдова! Этот человек был моим мужем. И я имею право знать, как он встретил свой конец.

– Плохо встретил. Машиной его сбили. Где и как, не скажу. Почему, тоже не скажу. Скорей всего, какие-то внутренние криминальные разборки. Но не исключен и другой мотив. Кстати, вы сами давно в последний раз видели своего Геннадия?

– Давно. Лет пятнадцать назад. А то и все двадцать.

– Вот и радуйтесь.

– Чему?

– Тому, что давно его не видели и что к вам его дружки не заявятся.

– А... А зачем они должны ко мне заявиться?

– Мало ли каких дел ваш бывший муженек мог натворить, – неопределенно, но как-то с опаской сказал следова-

тель. И прибавил устало: – Все! Идите, гражданка Муравьева. Я вам и так сказал больше, чем намеревался. Я не могу тратить на вас свое время, у меня работа, дела.

Пришлось тете подняться и выйти. Но в коридоре она взяла Стешу за руку и прошептала:

– Я должна выяснить, как это случилось! Должна! Иначе мне покоя не будет.

– Но почему? Вы же не видели этого человека много лет. Умер, и ладно. Радуйтесь, никто у вас ничего больше не украдет.

– У меня был сон, – мрачно ответила тетя. – Сегодня ночью мне снился Гена. Он был весь белый. Прямо до синевы. И смотрел он на меня так грустно, а потом протянул ко мне руку, словно хотел что-то мне передать. Я должна выяснить, что с ним случилось.

– Тетя, но как это сделать?

– Поедем к нему!

Стеша вздрогнула.

– Все-таки в морг?

– Домой к нему поедем.

– Вы знаете его адрес?

– Подсмотрела в протоколе. Думаешь, почему я так долго мешкала, прежде чем подписать? Я читала. Ничего интересного там не было указано, но адрес регистрации Гены я увидела. И знаешь, что удивительно? Это не так уж далеко от моего собственного дома. Пешком дойти можно.

Конечно, пешком они не пошли, а поехали на такси. Но тетя оказалась права. От ее дома до дома, где был прописан Геннадий Евстишенков, было всего с десятков автобусных остановок. По меркам большого города сушие пустышки. Но при этом какая пропасть отделяла эти два района. И тут, и там застройка была по большей части дореволюционная, пережившая не одно поколение. Но если дом тети и Александра Геннадьевича на Васильевском острове выглядел достойно и производил радостное впечатление, то, переехав через мост и очутившись в районе Красноармейских улиц, тетя и племянница невольно поежились. Разруха и нищета вокруг них были такие, словно война закончилась только вчера.

– Жутко все как выглядит!

– И не говори.

Стены домов вокруг них стояли с облупившейся краской по всему фасаду. Да что там краска! С фасадов сыпалась штукатурка, а местами так отваливались даже целые глыбы, обнажая уродливые провалы с торчащими из них проржавевшими кусками арматуры. Дома от времени сильно просели, первые этажи ушли под землю вместе с фундаментом. Окна первого этажа теперь располагались лишь на полметра выше уровня двора, так что любой желающий мог заглянуть в ту или иную квартиру, чтобы проверить, как дела у ее обитателей.

В довершении всего убожества в центре крохотного дво-

ра-колодца была устроена мусорка. Тогда как у тети, окна которой тоже выходили в колодец, центр двора занимал просторный скверик с вековыми деревьями, клумбами, лавочками и дорожками. Любо-дорого было выглядывать в такое окно. Вокруг сквера мирно парковались машины, а чуть дальше была оборудована отличная площадка с тренажерами для общего пользования жильцов дома и окрестностей.

А тут... Под ногами грязь, асфальт весь в трещинах, о спортивных площадках и думать нечего, им в этих крохотных двориках просто негде было поместиться. Но и детские площадки выглядели так, словно по ним прыгали динозавры. Здешнее домоуправление, похоже, совсем махнуло рукой на проживающих на его территории людей. А те и не думали протестовать.

– Какой кошмар, – произнесла тетя, оглядевшись по сторонам. – И в этом месте проживал мой Гена! Кажется, я теперь начинаю лучше понимать его мотивы.

Да уж, проживешь в таком месте, поневоле захочешь из него выбраться любыми путями. А если для этого придется воровать, мошенничать и грабить богатеньких дамочек, что же, значит, так тому и быть. Потому что жить на самом дне и не потерять при этом человеческий облик – это задача не для обычного ума.

Наверное, и тут были дома почище, и дворы поприличней, но тот, в который пришли тетя с племянницей, производил удручающее впечатление. На лестнице стало все еще хуже.

Косая разболтанная дверь вела внутрь вонючего тоннеля, из которого расходились разномастные двери квартир. Как жителям этого дома удалось повредить стальную дверь, оставалось загадкой, но они с этой задачей успешно справились. Домофон был утрачен. Лифт никогда и не появлялся. Двери квартир были деревянными и до такой степени обшарпанными и ободранными, что сразу становилось ясно: прятать что-либо или прятаться самим этим людям и в голову не приходит. Они столь же невысоко ценят сохранность своего небогатого имущества, как с пренебрежением относятся к безопасности собственных жизней.

Поднимаясь по обшарпанным ступеням и спотыкаясь о многочисленные выбоины в полу, тетя то и дело восклицала:

– Если бы я только знала! Если бы знала!

И еще добавляла:

– Бедный Гена! Бедная я! И как же только нас угораздило!

Сама Стеша оглядывалась по сторонам с нескрываемой жутью. Ей мерещилось, что из всех темных исписанных всякой непотребщиной углов этого подъезда на нее смотрят отпетые мошеннические и воровские рожи. Ясно, что тут битком набито разными разбойниками и лиходеями. Или, если взять опять же другую крайность, тогда уже святыми мучениками, которые давно и прочно вообще отрешились от всего земного и которым такие испытания теперь только в радость. Еще в таком месте могли бы обитать кающиеся грешники, которым опять же чем хуже, тем лучше, поскольку

страдают они не просто так, а во искупление собственных совершенных когда-то грехов. Подразумевалось, что и жильцы всех трех категорий должны были быть с хорошим приветом.

Но нормальные, так сказать, среднестатистические разумные люди в таком месте не уживутся, это Стеша отчетливо понимала, поскольку относила и себя саму к таким вот среднестатистическим умницам. Они тут просто не выживут. Либо погибнут, либо сбегут в места поприятнее и поспокойнее, но жить тут точно не станут. Она бы точно не стала.

– Разбойники и святые, – бормотала тетя себе под нос. – Как на кресте, так и в жизни.

Она кивнула племяннице, и Стеша нажала на кнопку звонка. Поскорей бы закончить с этим делом и убраться подальше.

Открывшая им дверь женщина вряд ли могла относиться к святым. И Стеша по ею же собственноручно изобретенной систематике тут же отнесла молодую женщину в разряд подозрительных особ, с которыми нужно держать ухо востро, а то лучше оба уха.

Раскрашена эта особа была ярко и, прямо сказать, празднично. От угла ее глаза куда-то в зависочную область уходили длинные нарисованные черным карандашом стрелки. На голове у этой дамы был напялен черный парик с густыми и прямыми черными волосами, прикрытыми сверху блестящим серебристым обручем с коброй. Кажется, в Древнем Египте его называли урей и носили исключительно фарао-

ны. На обнаженных руках красотки чуть повыше локтя красовались браслеты. Тело прикрывала белая туника. И общий облик девушки должен был напоминать древнюю египтянку. Вот только ни на одной из фресок что-то не было изображено прекрасных дев весом этак под шесть пудиков.

– Чем обязаны? – выставив из-под туники пухлую ногу, весело поинтересовалась эта дама.

Определить точно ее возраст не представлялось возможным из-за толстого слоя косметики, покрывавшего лицо. Но, судя по желтым пяткам, свешивавшимся с сандалий, вряд ли она могла вдруг оказаться молоденькой девочкой. Да и голос – низкий и прокуренный – как-то мало напоминал голос юной особы.

– Мы по поводу Геннадия Евстишенкова.

Женщина смерила их внимательным взглядом и отрапортовала:

– А Гены нет дома.

– Мы знаем. Мы только что из полиции.

– И чего? – заинтересовалась раскрашенная египтянка. – Снова его замели? Это уже который же, спрашивается, раз?

И, оглянувшись на проходящую по коридору женщину с тазом мокрого белья, она воскликнула:

– Слышь, Любка, а Гену нашего, похоже, снова забрали!

Та была рада поговорить. Подперев таз к стене своим крутым боком, она воскликнула:

– Обалдеть! Только на моей памяти его то ли третий, то

ли четвертый раз забирают. Уж думаем, все, не увидим его больше, годков-то ему сколько, думаем, помрет на зоне, ан нет, через годик-другой снова скрипит за стенкой диваном, старый греховодник!

– На сей раз все гораздо хуже.

– Куда уж хуже? – мрачно отозвалась девушка-«египтянка». – Мы с Любкой посменно вкальваем, а потом еще и старого хрыча обслуживаем. И обед сварганить, и квартиру убрать, и белье постирать, все на нас. А потом еще и ублажай его. И откуда только силы у человека берутся? Вроде бы глянь на него, одна пыль. А туда же. Каждую ночь в койку кого-нибудь из нас тащит.

Стеша искоса глянула на тетю. Как она? Уже в обмороке? Но нет, ничего, тетя держалась. Правда, за стенку, но все-таки держалась.

– Зачем же вы все это терпите? – спросила Стеша у «египтянки» и девицы с тазом.

– Денег он с нас за комнаты не берет, это раз. И потом, приработок какой-никакой, а все-таки он нам подкидывает. Конечно, мало радости с его дружками кувыркатся, самому молоденькому из них полтинник еще в прошлом веке стукнул, но мы с Любкой и сами не красавицы, другие-то, помоложе, на нас и не клонут. А старички довольны. И нам деньжонок подкинут, и Гене положенную долю отстегнут.

Стеша начала понимать, что за особа открыла ей дверь. Теперь в коридор выплыла еще одна девица, в объёме пре-

восходящая первых двух, вместе сложенных, и тоже, надо отметить, далеко не худеньких. Похоже, бывший тетин муж открыл у себя в квартире маленький подпольный публичный дом для пожилых ценителей пышных форм.

– Кончилось ваше рабство, девушки, – сказала Стеша. – Радуйтесь. Умер ваш Гена.

Но если Стеша ожидала, что девки кинутся в пляс или как-то иначе положительно отреагируют на эту новость, то она попала пальцем в небо. Вместо того чтобы скакать и прыгать, девчонки вдруг дружно завыли на три голоса.

– Эй, вы чего? – удивилась она.

Ответом ей были горестные стоны:

– Да как же это?

– Как же мы теперь?

– Куда же нам-то деваться?

Плачущие нимфы не возражали, когда Стеша с тетей вошли в квартиру. Напротив, они даже жаждали услышать подробности о том, что же произошло с их Геной. А пока что сами выкладывали тете с племянницей подробности своей жизни.

Глава 3

Догадка Стеши оказалась правильной. Эта квартира и впрямь была маленьким борделем, состоящим из трех девиц. Кроме «египтянки» и девицы с тазом тут проживала еще одна особа, которая откликалась на имя Муся, а выглядела как самый настоящий бегемотик.

Похоже, девушек для своего борделя Гена подбирал размеров XXXL. Наверное, ориентировался на пожелания клиентов. Все девушки были из себя такие пышные да пухлые, что хоть на картину Рубенса их помещай. И у каждой, надо отдать должное, была своя специализация. Любка предпочитала образ мадам Помпадур, тогда всякий мужчина в ее постели начинал чувствовать себя великим Людовиком. Муся выбрала образ Венеры, что тоже неплохо ей удавалось, особенно если намазаться с головы до ног белой краской или обсыпаться зубным порошком, который она предпочитала с запахом мяты. Ну а Света, или, как она предпочитала себя называть, Стелла, являлась воплощением древнеегипетской мечты, а всех своих любовников она величала фараонами, что этим беззубым, лысым и хромым очкарикам, а также хроническим ревматикам очень нравилось.

Бизнес этот шел неплохо в любое время дня и года. Особых хлопот и вложений не требовал. Девки с Геной жили дружно. Девицы работали, Гена преимущественно получал

доход, а получив его, сиял от удовольствия. Правда, доход получался небольшой, но зато стабильный. Каждый месяц пара десятков тысяч для Гены с девок капало, это не считая мелких услуг, которые девки оказывали своему хозяину и за которые в ином случае Гене пришлось бы платить свои кровные.

Это было своего рода обеспечение сытой старости для мошенника, которого тетушка непостижимым образом умудрилась взять себе в мужья. Гена был всем доволен. И частенько повторял, что никогда и не мечтал о подобной тихой и безоблачной старости.

– Ласковый он был. Руки никогда не распускал. Ни-ни! Всегда все с шутками да с прибаутками. И не хочешь, а засмеешься.

– Любили мы его. Хороший был мужик.

– А он нас как любил! Никогда клиентам обижать не позволял. Всегда на нашу сторону становился.

– Как он хоть умер?

– Что с ним случилось?

– Даже не верится, что его больше нет с нами.

И девки снова начали шмыгать носами. Они достали бутылку самогона, нарезали белого хлеба с чесноком и салом и предложили помянуть Гену по обычаю. Тетя пригубила, Стеша тоже. Самогон оказался крепким, он сразу же ударил в голову. Девки выпили по целому стаканчику, быстро захмелели и ударились в воспоминания о Гене.

– Пивко любил выпить тепленькое, а если с капелькой меда, так еще лучше.

Теплое пиво! Да еще с медом! Стешу даже передернуло. И покойный Гена утратил все привлекательные черты.

– Теплое пиво – это первое средство от хандры в зимний день, – печально сказала Стелла. – Не веришь, попробуй. Только пить надо сразу, как почувствуешь, что затосковала, потом уже средство покрепче понадобится.

Девки снова выпили этого самого средства покрепче, закусили, и настроение у них поменялось.

– А помните, как Гена этих буржуев с первого этажа шуганул? – хохотнула Любка.

– Они ему этого долго простить не могли, – сказала Стелла.

– Все грозились, что отомстят, – припомнила и Муся.

И все трое переглянулись.

– Может, это они Генку и угробили?

– Да не... Они уже почти две недели как отсюда съехали.

– Съехали, а злоба осталась.

Стеша заинтересовалась. О ком это идет речь? Девчонки ей охотно объяснили. Оказывается, несколько месяцев назад в доме обосновались конкуренты. Молодые и наглые, они сняли квартиру на первом этаже и начали свой собственный бизнес, наплевав на уже существующее аналогичное учреждение.

– Конечно, у нас-то клиентура вся проверенная, люди сте-

пенные, пожилые, их никто в дурном не заподозрит. Тихие опять же. Ну пришли старички, чаю попить или там даже водочки, это же никому не запрещено. Вот соседи и не возражали. А те ребята дело на широкую ногу поставили. Рекламу везде дали. Телефоны девок на стенах и на асфальте намалевали. Их самих в окошках высадили. Чисто Амстердам получился у нас во дворе. Там в Амстердаме, я по телику видела, девки тоже в окнах высажены, вроде как каждая саму себя на продажу предлагает. Конечно, соседи от таких новшеств бунтовать начали. Люди у нас к такой толерантности еще не приученные. Да и приятно ли, когда чужие мужики постоянно в подъезде толкуются и отношения выясняют. У нас так-то люди живут простые, но и то им не понравилось, когда какие-то чужаки тут притон свой устроили. Клиенты опять же сплошь нерусские к ним поперли, двух слов между собой связать не умеют, что сказать, не знают, да еще и соседок с потаскухами путают. Бабам в подъезд стало страшно заходить. Как ни войдешь, у первой квартиры клиенты толкуются в ожидании своей очереди. Увидят, что какая-то женщина мимо идет, хватают, думают, что уже проститутка к ним идет.

От такого соседства страдали все. Но хозяйка квартиры, которую она сдала двум шустрим ребятам, от всего открестилась, заявив, что знать ничего не знает и лично у нее претензий к жильцам нет. Почувствовав поддержку, ребята и во все повели себя нагло. Дело дошло до рукопашной, в кото-

рой пострадали двое жильцов подъезда, что заставило всех остальных еще плотней сомкнуть ряды. Клиентов гнали, ругали на разные лады, но тем и горя было мало, поскольку по-русски, как уже говорилось, они почти не понимали.

– В общем, тогда Гена решил вмешаться. Сначала он с ребятами по-хорошему пытался поговорить. Мол, нельзя так. В одном мире живем, нельзя только про себя знать, надо и другим людям тоже жить давать. Не помогло. Ребята его по известному адресу послали, да еще сказали, пусть поблагодарит, ради его возраста они ему оплеух не навешали.

– Тогда Гена обозлился. Он редко сердился, но тут был именно такой случай. Ребятам этим, которые бордель внизу устроили, от силы тридцатник. А Гена старенький, да еще смотрящий. Он и на зоне привык к уважению, и тут такого обращения не стерпел.

– Сходил он к своим давним друзьям, те ему на помощь боевое мясо прислали. Ну, тем ребятам с первого этажа живо объяснили, как себя вести нужно. И девок у них забрали.

– Только это ненадолго помогло. Не прошло и недели, как ребята снова свое дело начали. И новых девок нашли, и прежние вернулись, и клиенты в числе увеличились, еще хуже нам всем стало.

Но Гену подобный поворот событий не устраивал. Он усматривал в этом прямой вызов собственной персоне.

– Больше он за помощью ни к кому обращаться не стал, а решил действовать проверенным методом, через женщин.

– Как это?

– У Гены со слабым полом всегда особо личный разговор устанавливался. Ко всякой женщине он умел нужный подход найти, – пояснила Стелла.

– Приятно с ним разговаривать было, – добавила и Муся. – Чувствовалось, что он тебя понимает.

– Ну эти девки, что на первом этаже обосновались, к нашему Гене и расположились душевно, – продолжила Люба. – Не сразу, конечно, но подружился с ними Гена. А потом через дружбу и хорошее отношение и уговорил девок от хозяев своих уйти. И ладно бы только это. Но и на этом он не остановился. Нашел хозяйку квартиры с первого этажа, поговорил с ней, погулял несколько дней с дамочкой за ручку по садам, по паркам, пару букетов, несколько комплиментов, словечко нужное при случае ввернул – и вуаля! Дамочка и отказала своим жильцам.

– Так вот, где сила не помогла, там хитрость да смекалка сработали.

– Но ребята эти зло на Гену затаили.

– Могли отомстить нашему Геночке.

– Ох, как же мы теперь без него будем! – всплеснула руками Муся.

И другие девушки тут же за ней подхватили:

– Весь бизнес рухнул!

– Как жить-то станем!

Стеша пожала плечами.

– А в чем трудность? Бойтесь, что наследники Гены вас из квартиры выставляют?

Нет, этого девицы не боялись. Квартира была съемной. Верней, не квартира, а комнаты. В квартире в каждой комнате был свой хозяин. Никто из них в коммуналке не жил, все они свои комнаты сдавали. И как-то так получилось, что Гена постепенно начал снимать все четыре комнаты, платя за каждую по отдельности меньше, чем платил бы за всю квартиру разом. Он регулярно делал ежемесячный платеж хозяевам комнат, и на этом его отношения с ними заканчивались.

– Бойтесь, что клиенты от вас разбегутся?

Нет, и этого девицы тоже не боялись. Клиентам бежать было особо некуда. Старички им попались с неким налетом романтизма. У каждой проститутки были свои клиенты, которые ходили только к ней, а потом хвастались, что у них роман с молодой и красивой бабенкой. А если эти клиенты переумрут, все-таки возраст у всех более чем почтенный, то всегда можно найти других.

– Вот видите, значит, ничего страшного для вашего благополучия и не случилось, – заключила Стеша. – Что с Генной, что без Гены. Как раньше жили, так и впредь будете.

Про себя она, конечно, подумала, что сама бы нипочем не захотела такой жизни. И случись ей шанс порвать с торговлей любовью и своим телом, обязательно бы за него уцепилась. Но три девицы ни о какой лучшей или другой жизни даже и не мечтали. Они принялись рассуждать, как бы им

получше устроить свой бизнес. И пришли к выводу, что раз освободилась комната Гены, то не мешало бы взять к ним в компанию четвертую девушку.

Они так увлеклись радужными планами своего будущего, что совсем забыли о Гене и о том, что с ним случилось. Стеше с большим трудом удалось вернуть девиц обратно к их разговору.

– Кто убил? Да говорим же, эти с первого этажа и убили.

Других подозреваемых на роль убийцы у девок не было. По их словам получалось, что Гена умел со всеми если не дружить, то находиться в хороших отношениях – это уж точно.

– А когда вы в последний раз видели Гену?

– Сегодня утром. Как обычно он встал в половине седьмого, выпил своего чаю, который сам себе заваривал, не меньше спичечного коробка на стакан заварки сыпал, и пошел прогуляться.

– Он любил по утрам гулять, когда еще свежо и людей почти нет. Ходил, думал, дышал свежим воздухом. Потом, когда народ начинал на работу выползать, Гена назад возвращался и спать заваливался.

– Всегда?

– Всегда. Гена говорил, что главный кайф в его жизни заключается в том, что он может ложиться спать тогда, когда всем остальным надо идти в офис или к станку.

Но сегодня Гена назад домой не вернулся и в свою кро-

вать не лег. Девушек это удивило, но не настолько, чтобы они всерьез встревожились за жизнь мужчины. Все-таки Гена не был обязан отчитываться им о своих делах. И мало ли что могло заставить его изменить привычный распорядок дня.

Простившись с этими приятными и милыми в общем-то девицами, Стеша с тетей спустились на первый этаж. И вот тут тетя неожиданно прислонилась к стене и прошептала:

– Что-то мне совсем нехорошо стало.

Стеша взглянула на тетю с опаской. Что и говорить, вид у тети и впрямь был нехорош. Бледная, с тяжелым дыханием и остановившимся взглядом. Будь тете хоть каплю лучше, она бы ни за что в жизни не позволила себе прикоснуться к такой грязной стене.

– Тетечка! – захлопотала Стеша. – Только не умирайте.

– Мне надо на воздух.

На воздухе тете и впрямь полегчало. Она посидела на облезлой скособоченной лавочке, а потом сказала:

– Поймай мне такси. Я поеду домой. Мне надо полежать.

– Конечно. Сейчас!

Вызванное такси подъехало через пару минут. Но когда Стеша подвела тетю к машине и хотела сесть вместе с ней, тетя неожиданно запротестовала:

– Нет, ты останься.

– А как же вы?

– Я прекрасно доеду и сама. Что я, маленькая? Свой адрес я еще помню. Доеду.

– Но вдруг вам станет плохо?

– Молодой человек, я уверена, обо мне позаботится.

И тетя кивнула в сторону водителя. Тетина неизменная уверенность в том, что все люди обязаны помогать друг другу, для чего, собственно говоря, и рождаются на свет, всегда умиляла и трогала Стешу чуть ли не до слез. И ведь удивительное дело, тете на пути по большей части и впрямь попадались именно такие люди. Но надо отдать должное тете, и она в свою очередь всегда была готова оказать любую услугу своим ближним и поддержать того, кто нуждался в такой поддержке. Может быть, поэтому и люди ей, в свою очередь, встречались такие душевные и отзывчивые?

Во всяком случае, парень-водитель не выказал ни малейшего недовольствия тетиной просьбой. А наоборот, заявил, что охотно проводит пожилую клиентку до дома, а если понадобится, то и до ее квартиры. Любая другая на месте тети бы насторожилась, представив, как ее будет провожать до пустой квартиры совершенно незнакомый молодой парень. Стеша – та бы точно навоображала себе самого разного, из чего изнасилование ее персоны и ограбление ее квартиры были бы еще самым меньшим злом из возможного. А вот тетя и глазом не моргнула. Сидела себе и благожелательно улыбалась водителю, который потихоньку уже переходил в разряд ее верных друзей.

– А ты останься, пожалуйста, тут, – дотронулась тетя до руки Стешы. – Поговори, узнай, что сможешь. Если повезет,

то приглядишься к этим ребятам с первого этажа. Ты же у меня умница, ты сразу поймешь, могли они убить Гену или нет.

С этими словами тетя и укатила. Она-то укатила, а вот Стеша осталась. Осталась и принялась думать, как ей лучше подойти к выполнению тетиного поручения. Тетя, вероятно, в душевном своем смятении забыла о том, что сказали проститутки ее Гены. Что конкурентов с первого этажа Гена все-таки выкурил. Бизнес их накрылся. Они съехали. И где их искать теперь, оставалось загадкой.

Во всяком случае, здесь их нет.

И все же Стеша не видела иного способа, как сунуть нос в ту нехорошую квартирку на первом этаже, которая доставила столько волнений жильцам этого подъезда. Вернувшись назад, Стеша нажала на облупившуюся кнопочку звонка.

– Открыто, – раздался высокий женский голос. – Заходите!

Удивившись простоте здешних нравов, Стеша вошла.

– Я вас давно жду, – произнес тот же голос. – Можете не разуваться, бахилы в углу.

Бахилы выглядели так, словно бы их уже надевали, и не по одному разу. Но Стеша, преодолевая брезгливость, все-таки выбрала парочку поцелее и нацепила их на себя. Разуваться и ходить в одних чулках по полу этой квартиры она бы себе не позволила ни за что на свете.

Стоило Стеше сделать несколько шагов, как из дальней комнаты шагнула высокая худая женщина. Вид у нее был

странноватый. Годков ей было уже немало, но при этом она носила короткую юбку, позволяющую лицезреть ее ноги много выше коленей, завязанную на груди узлом блузку, которая открывала как дряблую шею с болтающимися на ней многочисленными монистами, так и морщинистый живот с украшенным пирсингом пупком.

– Ой! – попятилась назад Стеша.

Волосы у этой странной особы были разноцветными. Одна прядь торчала небесно-синего цвета, другая была солнечно-желтого, третья могла соперничать с испанским апельсином, а четвертая была и вовсе серебристой. При этом какого-то определенного порядка окраски тут не наблюдалось. И прическа напоминала несчастный случай на лакокрасочном производстве.

– Что же вы опаздываете? – с укором обратилась женщина к Стеше, словно к своей давней знакомой. – Я уже собиралась уходить.

– Простите, пробки.

– Значит, надо было раньше выходить. Вот я приехала с Гражданки и не опоздала. Ну ладно, раз уж приехали, смотрите.

И она сделала рукой широкий жест.

Ага, догадалась Стеша, значит, ей предлагают осмотреть квартиру. Это удачно совпадало с ее собственными планами.

– Учтите, торговаться я не намерена. Это прекрасная квартира, которая располагается в исторической части горо-

да и в экологически чистом месте.

Между мусоркой и заводом!

– Окна выходят в зеленый двор.

Два чахлых тополя и куст акации!

– В квартире сменили всю сантехнику.

Сантехнику меняли, вот только произошло это годах этак в 1980-х! Во всяком случае, такой нежно-лазоревый унитаз Стеша в последний раз видела в своей школе. Тогда это был хит сезона, все бегали в их туалет, чтобы просто посидеть на голубом чуде.

– Как видите, квартира находится в прекрасном состоянии. Ремонт делать не нужно, его делали совсем недавно.

Стеша не знала, что ей и отвечать. Похоже, взрыв был не только на голове у ее новой знакомой. Внутри он тоже наворил большой беды. Какой ремонт? О чем она? С потолка что-то сыплется. Под ногами что-то шевелится.

– Плитки на полу немного отваливаются, – рискнула она наконец заметить.

– Боже мой! Какая ерунда! Возьмете клей и подклеите.

– И положены они прямо на цемент. Где же чернопол?

– Зачем он нужен? – искренне удивилась хозяйка.

– Для тепла.

– В квартире достаточно тепло. Батареи тут чугунные, им больше ста лет, но они до сих пор отлично греют.

Стеша молча бродила по комнатам, пытаясь понять, что же могло подвигнуть людей сделать такой ремонт. Нет, ре-

монт тут был, свежие обои в комнатах говорили об этом ясней ясного. Но что это были за обои! Темно-зеленые с золотом. Бордовые опять же с золотом. Темно-синие с какими-то розовыми птичками и опять же с золотом. Такие рисунки Стеше приходилось видеть опять же лишь в своем раннем детстве. Похоже, кто-то еще в те советские далекие годы сделал солидный запас, а теперь извлек рулоны из кладовых.

При этом ремонтники не удосужились ни покрасить потолки, ни выровнять стены, ни хотя бы соскрести с них старые обои. В результате обои отклеивались дружными семьями, состоящими из пяти-семи, а то и десяти поколений.

– Шикарный ремонт, не правда ли?

Хозяйка явно ждала утвердительного ответа.

– М-да... А кто же выбирал расцветки? Явно человек с большим вкусом.

– Обои подбирала я!

Ну кто бы сомневался!

А хозяйка, получив от Стешы то, что она сочла комплиментом по поводу оформления квартиры, очень воодушевилась.

– И вы правы насчет моего вкуса. Я – дизайнер жилых интерьеров. Люди доверяют мне оформление своих серых убогих жилищ, а я превращаю их в райские кущи.

Взглянуть бы хотя бы на одну из них! А еще лучше на лица хозяев этих кущ, когда те видят результаты работы нанятого ими дизайнера.

– Никогда бы не стала продавать такую прекрасную квартиру, если бы не переезд за границу. Мы с сестрой и племянником собираемся перебраться в Европу.

– Зачем?

Вопрос вырвался у Стеши прежде, чем она успела подумать, а для чего она, собственно говоря, спрашивает? Ей-то какое дело, почему художница со сдвигом собирается сменить свою страну на какую-то чужую. Но художница, в свою очередь, посмотрела на Стешу так, словно сомневалась в ее умственной полноценности.

– Разве в этой стране можно жить? Тут же нет никакого простора для творчества. Сплошная цензура! Меня как художника такое положение дел не может устраивать. Нет, мы с сестрой твердо решили, что уедем.

Но Стешу интересовало сейчас совсем другое. И она стала медленно подбираться к своей собственной цели.

– Квартиру-то зачем же продавать? Вы могли бы ее сдать!

– Ах, нет! С арендаторами всегда столько возни. Да и не хочется пускать в родные стены кого-то постороннего.

– Но тут же кто-то до недавнего времени жил?

– Последним тут жил мой племянник. И это понятно, ведь половина квартира принадлежит моей сестре и ему, вторая половина моя. И после того, как мы с сестрой решили уехать из страны, эту квартиру на семейном совете было решено продать.

Вот как? На семейном совете? А как же Гена, который сумел уговорить хозяйку квартиры избавиться от неприятных жильцов? Выходит, что никаких жильцов не было, а тетя прогнала собственного племянника? Или не прогнала? Или это сделала мать юноши? Но ведь речь шла о двух молодых людях, которые тут обитали вместе с девушками.

– А у вас только один племянник?

– Один, – удивилась художница. – А почему вы спрашиваете?

– Хотелось бы познакомиться со всеми собственниками жилья, которое я собираюсь покупать.

– Так вам понравилась квартира? Как я рада! Наконец-то попалась понимающая женщина. А то все ходят да только нос воротят.

И спохватившись, что случайно ляпнула лишнее, женщина произнесла:

– Могу познакомить вас с сестрой и племянником хоть прямо сегодня! Заодно взглянете и на документы на квартиру. Они все хранятся у сестры.

– Замечательно.

Стеша и не ожидала, что ей удастся так легко и просто добиться желаемой цели. Но, похоже, кому-то наверху Стешина затея пришлась по вкусу. И удача была на стороне девушки.

Так что к своей тете Стеша поехала с хорошими новостями.

– В семь вечера у меня встреча с двумя сестрами – хозяйками квартиры. Как я поняла, один из владельцев борделя – сын одной и племянник другой.

Тетя уже почти оклемалась после непонятного приступа слабости, охватившего ее в подъезде дома Гены. Но она все еще оставалась вялой и неспособной к решительным действиям. Даже налить чаю она попросила Стешу. А ведь раньше такого еще не случалось, чтобы тетя не смогла или не захотела сама приготовить себе этот напиток.

– Ты, наверное, меня осуждаешь, – сказала она племяннице, когда та принесла приготовленный на кухне чай. – За Гену? Думаешь, как я могла связаться с таким проходимцем?

– Немного есть.

– Вот за это я тебя и люблю, – улыбнулась тетя. – За честность. Ты совершенно не умеешь притворяться. В семейной жизни это будет проблемой. Кстати, я все хотела у тебя спросить, у тебя кто-нибудь есть на примете?

Разговор принимал неожиданный оборот. Раньше тетя никогда так напрямую вопросы о личной Стешинной жизни не задавала.

– Есть ли у меня кто-нибудь для моей будущей семейной жизни, с которой у меня будут проблемы? Нет, тетечка, никого у меня нет. Зачем мне лишние проблемы?

– Ну не обижайся. Просто я хотела сказать, что иногда в семейной жизни немножко хитрости не помешает. Сама-то я не очень в этой науке преуспела, но знаю многих, кто ловко

обводит своих мужиков вокруг пальца. А насчет Гены...

– Что?

– Я тебе так скажу, одиночество – это страшная штука. Оно заставляет нас выделывать самые невероятные трюки, лишь бы от него избавиться. Ты такого не ощущаешь?

Стеша пожала плечами. Она жила одна уже много лет и находила в этом особую прелесть. Какую? Да хотя бы взять то обстоятельство, что все в ее квартире и быту было построено исключительно по вкусу самой Стеши. Все гармонировало с внутренним миром самой Стеши. Все вещички, полочки, шкафчики, салфетки и занавески были именно такими, какие хотелось самой Стеше. Не нужно было делить с кем-то раковину, а потом сердиться, если на ней остались брызги. Можно было ходить по квартире хоть в чем мать родила, никто Стешу за это бы не осудил, никто не стал бы на нее глазеть, никто бы ни словечка ни вякнул, потому что некому было вякать.

– Нет, – сказала она, – мне одиночество по кайфу.

– Тут мы с тобой не похожи. Я от одиночества готова была на стену лезть. Так тоскливо становилось, особенно по ночам. Но ты никогда замужем не была, тебе этого не понять. В общем, когда в моей жизни появился Гена, я была готова к новым отношениям, я их жаждала всем сердцем. И тут появляется он – приятный, в меру упитанный, обходительный и обаятельный. Меня даже не смутило, что у него не было собственного жилья, Гена сразу же перебрался ко мне.

– А вы в ту пору...

– Я жила в Пушкине. У Сергея Геннадьевича был там домик. Верней, половина домика. Вот там мы с Геной и зажили. И не скажу, что нам было с ним плохо, все было очень даже приятно. Конечно, я отдавала себе отчет, что Гена – человек не моего круга. И потому со своими друзьями я его не знакомила. Но он и сам никогда не рвался к такого рода общению. Он всегда говорил, что ему достаточно меня одной. И правда, он никуда от меня не рвался, все вечера проводил со мной. Иногда днем куда-то уезжал, не говоря, зачем и куда едет, но это бывало редко, куда чаще он оставался со мной, и мы проводили чудные длинные вечера. Мне даже казалось, что он меня любит сильнее, чем все мои прежние мужья.

– А вы его тоже любили?

– Мне так казалось. Мне с ним было хорошо. Но потом... Потом он сказал, что у него возникли проблемы, что ему придется уехать. Разумеется, я начала спрашивать, что и почему, но он уходил от прямого ответа. А потом как-то утром я проснулась, но ни Гены, ни денег, ни драгоценностей... И лишь тогда я смекнула, что ровным счетом ничего не знаю об этом человеке. Где мне его искать? Куда идти? Что мне делать?

– И вы пошли в полицию?

– Да. Сходила. Там-то мне популярно и объяснили, что за фрукт мой Гена – Канарейка.

– Канарейка?

– За сладкие песни и умение очаровывать дамочек он получил такое прозвище. Специализировался он на одиноких дамах, брал у них все, что имело хоть какую-то ценность. Оказывается, в полиции знали, что он живет у меня. Готовились к его задержанию. В общем, бегство Гены помогло мне избежать позора. Среди наших соседей было много бывших сослуживцев Сергея Геннадьевича. Было бы крайне неприятно, если бы они увидели, как моего нынешнего мужа выводят из дома в наручниках. Но этого не произошло. На всякий случай я поскорей продала свою часть дома. Купила квартиру в городе. И вскоре через наших общих друзей познакомилась с Александром Геннадьевичем.

– За которого и вышли замуж, будучи замужем за другим человеком.

– Ты меня осуждаешь!

– Не осуждаю, но пытаюсь понять, как вы – такая рассудительная и так вляпались. Ведь если адвокаты вашего пасынка пронюхают о том, что вы замужем за другим мужчиной, то они начнут напирать на то, что завещание недействительно.

Тетя посерела. Она взглянула на Стешу, как мышь на кошку.

– Я об этом не думала, – пролепетала она. – Ты считаешь, они могут?

– Будем молиться, чтобы они ничего не узнали. А теперь могу я, в свою очередь, спросить у вас, почему вам так важно узнать, что случилось с Генной?

Но тетя вместо того, чтобы ответить на вопрос, заговорила совсем о другом.

– Когда мы с этим милым молодым таксистом доехали до дома сегодня, он предложил свои услуги, чтобы помочь мне добраться до дверей квартиры. Я отказалась. А теперь жалею об этом.

– Почему?

Тетя помолчала, а потом выдавила из себя:

– Пятно...

– Какое пятно? – встревожилась Стеша. – Где?

– Там.

Тетя так это сказала, что Стеша поняла ее.

– На кухне снова появилось пятно? Кровавое? На том же самом месте?

На каждый вопрос тетя молча кивала головой. Стеша сбегала на кухню, чтобы убедиться, что пятна нет. Она уже была на кухне, когда готовила чай, и никакого пятна не увидела. На всякий случай она снова исследовала пол. Буквально обнюхала его. И снова обнаружила белый порошок. Это ее удивило. Вчера она перед уходом начисто протерла пол на кухне влажной тряпкой.

Откуда же берется эта белая пыль?

Когда она вернулась к тете, та встретила ее вопросом:

– Скажи мне, я схожу с ума?

– Нет.

– А как назвать человека, который видит то, чего нет?

– Наверное, пятно было, раз вы его видели.

– И куда оно теперь делось?

На это Стеша ответить ничего не могла. И попросила:

– Расскажите, как это было.

– Я вошла в квартиру и захотела попить. Вода у нас стоит в кувшине на кухне. Я прошла туда и... и увидела пятно.

– Только пятно? Мертвого Сережи сегодня там не было?

– Нет. Во всяком случае, я его не видела.

Уже хорошо! Хоть какой-то прогресс.

– И что вы сделали?

– А что бы ты сделала на моем месте? Я ушла оттуда. А когда ты вернулась, попросила тебя приготовить чай. Хотела, чтобы ты увидела это пятно сама. Но ты же ничего не увидела?

– Нет.

– Ты хорошая девочка, честная, всегда такой была. Я думаю, что ты не стала бы обманывать свою старую тетю, чтобы немного над ней позабавиться.

– Тетя...

Стешу охватила горячая волна возмущения. Пусть она и не шутила над тетей, но кто-то другой позволял себе такие шутки! Не могло кровавое пятно то появляться, то исчезать. Тут был какой-то подвох. И Стеша поклялась самой себе, что разберется, в чем тут дело.

Глава 4

К семи часам вечера, как и было условлено, Стеша подходила к дому на улице Карпинского, где жила вторая владелица квартиры и ее сын, сюда же должна была прибыть и разноцветная художница. Стеша поняла из ее случайных обмолвок, что продажа фамильной квартиры у двух сестер шла туго. Цену за свою «элитную» недвижимость они снижать не хотели, а потому и наплыва покупателей не наблюдалось. Да и те, кто к ним приходил один раз, больше на горизонте не появлялись.

Так что за Стешу, выразившую готовность купить квартиру, это семейство уцепилось руками и ногами. Художница дважды ей позвонила, якобы для того, чтобы проверить, правильно ли Стеша запомнила адрес. А на самом деле, чтобы убедиться, покупательница не передумала и готова расстаться со своими кровными миллиончиками для приобретения их квадратных метров.

– Квартира – чудо. Да вы сами все видели! Очень выгодная покупка! Цены в таком доме будут только расти. Через пять-десять лет вы продадите квартиру в несколько раз дороже. Это же центр!

Центр, да не тот. В районе старой дореволюционной застройки имелось еще достаточно депрессивных зон бывших рабочих окраин, которые и в лучшие свои времена навевали

тоску. А уж сейчас, когда дома сильно обветшали и нуждались не просто в ремонте, а, прямо уж сказать, в сносе, районы производили и вовсе удручающее впечатление.

А если учесть, что в правительстве год от года все громче раздавались голоса, призывающие оплачивать ремонт аварийных домов из кармана самих жильцов, тогда налицо дикое противоречие. Из хороших хрущевок людей отселяют против их воли бог знает куда. Зато жители старого центра останутся в своих убогих коммуналках, и их еще и обяжут за это платить. Глупость какая-то.

Стеша лишь удивлялась. Если у правительства есть деньги на снос вполне себе еще бодрых хрущевок, почему они не потратят средства на аварийные здания? На те, которые не сегодня завтра рухнут сами. Ведь невооруженным глазом видно, что в том доме, где жил Гена, жить никак нельзя. Там все разваливается буквально на части.

Хрущевские дома крепкие, но их, видите ли, хотят свалить, потому что строители уже положили глаз на городскую землю. А вот жителей аварийных домов никто отселять не собирается. Еще и заставят оплачивать ремонт дома из собственного кармана. Зная нашу систему, нетрудно предположить, что стоимость ремонта окажется завышенной в несколько раз, сделают его некачественно, потом понадобится переделывать, и опять же за счет жильцов. А люди там, между прочим, живут самые небогатые. И что? Если даже сейчас, исходя из примерной стоимости ремонта, платить за

него жильцам придется много лет, то с годами цена может вырасти настолько, что оплачивать этот ремонт будет и во все много поколений.

И где, спрашивается, при таком раскладе справедливость, а?

Стеша могла только порадоваться тому, что сама живет в новеньком доме, где до капитального ремонта еще очень далеко. Дом был сдан всего три года назад. И новость о том, что по его несущей стене пошла трещина от самого фундамента, Стеша и прочие жильцы старались воспринимать как чью-то глупую шутку. Трещину быстро замазали и постарались забыть о ней.

Выйдя из маршрутки, Стеша двинулась к двенадцатиэтажному кирпичному зданию, видневшемуся вдаль. Судя по описанию, это был тот самый нужный ей дом. Взглянув на часы, Стеша убедилась, что до назначенного ей времени еще целых пятнадцать минут. Спешить некуда, можно прогуляться, благо погода позволяет это сделать. Сегодня ветер утих, небо очистилось, и погода была по-настоящему апрельской.

Оглядевшись по сторонам, Стеша осталась увиденным довольна. Много зелени. Лавочки. Детская и спортивные площадки. С одной стороны видна школа с благоустроенным двором, с другой – расположился детский сад, буквально утыканный игровыми площадками. Есть даже мини-стадион с лавочками для зрителей и беговым треком для юных

спортсменов. И всюду растет много-много деревьев. Живи себе и радуйся, никакой дачи в таком зеленом районе летом будет не нужно.

Стеша лишь вздохнула. У них-то в новом микрорайоне озеленение было представлено пока что в виде расстеленного газона, бывшего вначале зеленым, но покрывшегося уродливыми желтыми проплешинами уже после первой же зимы. Да еще озеленители радовали глаз жильцов тонюсенькими деревцами, которым еще предстояло превратиться в раскидистые липы, могучие дубы и стройные березы. Впрочем, всему свое время. Будет и на их улице праздник.

Хотя к тому времени, когда деревья подрастут и превратятся в красавцев, как раз придет время капитального ремонта самого дома. Стешин папа в таких случаях любил философски изрекать: «Нет в жизни совершенства».

В общем, пока Стеша гуляла и наслаждалась окружающими ее видами, мимо нее внезапно на большой скорости проехала патрульная полицейская машина. Стеша даже ойкнула, когда машина пронеслась совсем рядом, обдав ее порывом воздуха.

– Поосторожней нельзя? – проворчала девушка.

Но полицейским было не до церемоний. Они явно куда-то очень спешили. Их машина остановилась у того самого кирпичного дома, в направлении которого двигалась и сама Стеша. И сердце девушки при виде такого поворота отчего-то екнуло. И хотя она убеждала себя, что в многоквартирном

доме полиция могла приехать к кому угодно и вообще по какому угодно делу, совсем не обязательно, что служебному, руки у Стеши все равно постепенно стали холодеть.

У дома был всего один подъезд, в который и вошли двое полицейских. Один из них был в форме и держал под мышкой аккуратную черную папку с документами. Двое других полицейских, также выйдя из машины, обогнули дом и заняли позицию у черного хода. И хотя вид у них обоих при этом был делано небрежным, Стешу он не обманул. С чего бы полицейским торчать возле мусорных бачков? Покурить им захотелось – так милости просим, через дорогу есть чудная лавочка. А это место годится только для засады на тот случай, если кто-то из жильцов дома, кого вспугнет наряд полиции, попытается удрать через черный ход.

Стеша особенно не испугалась. Полицейские были в штатском, оружия не вынимали, а значит, ничего серьезного не ожидалось. Будь тут опасная операция, то приехал был спецназ в шлемах, бронежилетах и с автоматами, территорию бы огородили, а жильцов эвакуировали. А эти двое молодых сотрудников в своих дешевых куртках и джинсах... кого они могут утратить? Ясно, что затевается какая-то безделица, яйца выеденного не стоящая.

Девушка уже хотела пройти дальше, как вдруг все в один миг переменялось. Тяжелая железная дверь черного хода приоткрылась, и в нее высунулась чья-то белобрысая голова. Увидев дежурящих на ступеньках крыльца полицейских,

голова испуганно ойкнула и засунулась обратно. Поздно. Полицейские в два счета преодолели несколько ступенек и успели ухватить дверь еще до того, как она закрылась.

Вот теперь Стеша заинтересовалась происходящим уже серьезней:

– Интересно. Чего это они тут за салочки затеяли?

Стеша притормозила. Она чувствовала, что происходит что-то касающееся и ее лично. Каким образом касалось, сказать не могла. Но задержалась и осталась ждать развития событий. Долго ждать ей не пришлось. Уже через минуту полицейские появились на крыльце черного хода. Они заломили руки тому белобрысому, которого мельком успела увидеть Стеша в дверях, и вели его вниз.

Задержанный протестовал и громко возмущался:

– Отпустите! Вы не имеете права!

– А вот тебе следователь в отделении твои права объяснит.

– Что я сделал? За что вы меня схватили? Я ничего не сделал!

– Не помнишь, как старика сегодня утром убивал?

– Я не убивал никого!

– Будет врать-то! На записи все четко видно.

– Какой еще записи?

– Не знал, что на дорогах камеры видеонаблюдения установлены? – не скрывая своего ехидства, поинтересовался один из полицейских у задержанного.

– Белый «Форд» с регистрационными номерами ОГО 333

твой? – добавил второй.

Пленник мгновенно поутих. И подтвердил уже совсем подавленно:

– Моя машина.

– Вот видишь, а говоришь, что не убивал старика. А камера момент наезда твоей машины на потерпевшего четко зафиксировала. Ну и сволочь же ты, братец! Наехал и даже не вышел посмотреть, что с ним. Так дальше и поехал.

– Не останавливаясь!

– Я бы таких голыми руками душил.

– Если он старик и если в неполюженном месте дорогу переходит, сразу уже за это и убивать?

Задержанный ничего не отвечал им больше. Настроение у него явно испортилось.

Весь этот разговор Стеша подслушала, двигаясь на расстоянии за этими тремя персонажами. Последняя фраза до нее донеслась, когда задержанного уже запикивали внутри полицейской машины. Тот пришел в себя и снова пытался протестовать, кричал, что ничего не понимает и никаких стариков не давил. Но полицейские к его воплям отнеслись равнодушно.

– Следователь разберется.

Вот и все, что услышал в ответ на свои возмущенные вопли задержанный. Вскоре из дома вышел тот самый полицейский в форме и с папочкой в руках, которого Стеша уже видела раньше. Все четверо сели обратно в машину и уеха-

ли, увозя задержанного белобрысого парня с собой. Девушка молча смотрела вслед полицейской машине. В голове у нее была какая-то сумятица. Внезапно в сумке вдобавок ко всему зазвонил телефон.

– Да? Слушаю.

Оказывается, это Стеше звонила художница. Голос у нее был взволнованный. Она почти кричала.

– Вы где?

– Я... я рядом.

– Не приходите к нам! Слышите меня? Не приходите к нам сегодня! Встреча не состоится!

– А что случилось? – удивилась Стеша. – Мы же с вами договаривались. Я уже приехала, и я стою...

– Сегодня мы с сестрой не можем! Нет, нет! В другой раз поговорим! А сегодня уезжайте!

И трубку повесили. Покачав головой, Стеша осталась на своем месте. Она чувствовала, что представление еще не закончено. И точно. Спустя всего несколько минут из дверей все того же кирпичного дома на улице Карпинского показались две возбужденные женщины. В одной Стеша моментально признала свою знакомую художницу. Ее скальп радужной окраски был виден издали. Вторая женщина ничем особым внешне не отличалась. Но кое по каким чертам Стеша определила фамильное сходство между этими двумя и догадалась, кто перед ней.

– Сестра художницы! Мать нашего сутенера!

Обе женщины, не глядя по сторонам, пронесли мимо Стеши. Девушку они даже не заметили. А если бы и заметили, вряд ли бы остановились.

– Звони Семен Петровичу! – на ходу кричала одна из женщин.

– Он по гражданским делам адвокат, а нам нужен по уголовным.

– Все равно кого-нибудь он нам посоветует. Звони, я сказала! Вадьку надо вытаскивать, пока он сам себя не оговорил. Ты же знаешь, какой он простодушный!

Так как женщины побежали в том же направлении, в котором уехала полицейская машина, и побежали весьма резво, то Стеша справедливо решила, что и ей туда надо. Если все бегут, ей тоже стоит присоединиться. И Стеша припустила следом за дамочками. Несмотря на то что они были много старше девушки, двигались мама и тетя неизвестного Вадьки весьма резво. Стеша с трудом за ними поспевала. Все-таки надо хоть иногда заниматься спортом. Пробежку по утрам вокруг своего дома Стеша точно могла бы осилить.

На ходу дамочки с кем-то разговаривали, иногда до Стеши долетали обрывки их разговора с неким Семеном Петровичем, который был поставлен дамочками перед фактом, что ему предстоит срочно раздобыть для них адвоката по уголовным делам, причем самого лучшего!

– Потому что сын у меня, как ты, Сеня, сам понимаешь, всего один! – вопила мать Вадьки. – И я ни перед чем не

остановлюсь, лишь бы отмазать его от того дерьма, в которое он вляпался.

Разумеется, эти слова еще больше подстегнули любопытство Стеши. Так втроем они пробежали пару сотен метров и оказались перед отделением полиции, где уже стояла виденная раньше Стешей машина. Женщины забежали внутрь отделения, Стеша последовала туда же спустя небольшой промежуток времени, чтобы дать дамочкам отдышаться и объясниться с дежурным. Да и самой Стеше тоже не грех было немножко передохнуть, вытереть пот и нормализовать дыхание.

Она успела вовремя.

– Мой сын не убийца! – наседала на тщедушного паренька-дежурного мать Вадьки. – Не знаю, что там записали ваши камеры, но мой сын никого не убивал!

Дежурный давно привык к такому и лишь вяло отмахивался от настырной посетительницы:

– Разбирайтесь со следователем. Я ничего не знаю.

– Где мой сын? Я имею право его видеть!

– Свидание с задержанным только через адвоката.

В ответ тетя и мать задержанного подняли такой шум и гвалт, что даже миролюбивый дежурный вышел из себя и закричал на них:

– Если не уgomонитесь, сами в камере окажетесь!

Думаете, это урезонило обезумевших фурий? Ничуть не бывало. Они снова принялись вопить, стучать ногами и пу-

гать дежурного адвокатом, общественными слушаниями, а разноцветная еще и суд по правам человека сюда приплела.

Стеша, которую эмоции не обуревали, услышала вот что. Вадьку до момента его неудачного побега всерьез никто не подозревал. Будь у парня репутация чуть получше, дело вообще могло бы ограничиться допросом и составлением протокола. Но у Вадьки уже числилось несколько мелких правонарушений, и поэтому было решено его на всякий случай задержать. На задержание отправились четверо, потому что опять же репутация у Вадьки была такая, что сотрудничать со следствием он был готов лишь под определенным нажимом.

А уж после того, как Вадька попытался сначала бежать через черный ход своего дома, а потом на лестнице оказал сопротивление властям, его и вовсе было решено оставить в «обезьяннике», чтобы охолонул там маленько.

– А вот и Иван Викентьевич, – обрадовался дежурный, у которого от этих диких кошек явно разболелась голова, парень уже несколько раз потирал пальцами виски. – Ваш следователь.

И дежурный уселся на свое место, обхватив голову руками. А две обезумевшие фурии набросились теперь на Ивана Викентьевича, требуя вернуть им мальчика или объяснить, в чем его обвиняют. Иван Викентьевич и бровью не повел, сразу увлек женщин за собой на второй этаж. Внизу в холле сразу стало как-то удивительно просторно, тихо и даже вроде

бы прохладно. И только сейчас дежурный обратил внимание на Стешу.

– А вам, девушка, что?

– Мне...

Стеша сперва растерялась, но быстро сориентировалась:

– Мне к Ивану Викентьевичу.

– По какому вопросу?

– По личному.

Дежурный с интересом взглянул на нее. Видимо, она произвела на него благоприятное впечатление, потому что он произнес уже мягче:

– Иван Викентьевич сейчас занят.

– Ничего, я могу подождать.

Дежурный пожал плечами. Мол, дело твое.

– Так я пройду?

Дежурный снова пожал плечами. Вид у него был отсутствующий, он рылся по ящикам явно в поисках болеутоляющего.

Воспользовавшись молчаливым согласием, Стеша мухой взлетела на второй этаж и тут остановилась в нерешительности. Куда идти? Но ее выручил высокий голос разноцветной, которая на пару со своей сестрицей верещали где-то в дальней части коридора.

Стеша подошла ближе и разобрала, о чем идет речь.

– И что с того, что это была его машина? – возмущалась художница. – Мало ли кто мог у Вадика ее взять!

– Вот именно, машину могли взять без спроса! – не отставала от нее и сестра. – Да что там! Машину вообще могли угнать!

– Угна-а-ать! Понимаете, угнать! – снова вступала первая. Следователь усмехнулся:

– Угнать, а потом вернуть на то же самое место? Какие аккуратные грабители.

– Да! – закричала художница. – Они сделали так специально, чтобы навлечь подозрения на невиновного, на Вадика!

– И почему вы об этом не подумали в первую очередь? – закричала и мать. – Разве презумпция невиновности у нас в стране уже не работает?

Голос следователя звучал гораздо тише голосов двух сестер. И чтобы услышать его, Стеше приходилось напрягать слух до предела.

– Мы и подумали, – сказал следователь. – И поэтому сразу спросили у подозреваемого относительно того, кому он давал сегодня в первой половине дня свою машину. В ответ на что мои сотрудники были посланы по известному адресу. А это уже оскорбление при исполнении. Затем ваш невиновный мальчик попытался бежать. А когда его настигли, он оказал сопротивление властям. Знаете, что за это бывает?

Обе дамочки снова принялись выгораживать Вадьку, уверяя, что у мальчика нервный срыв на почве расставания с девушкой.

– Уж не об одной ли из тех проституток вы говорите, из-

за которых у Вадима и вышел конфликт с потерпевшим?

Услышав о проститутках, Стеша навострила уши. А вот сестры от возмущения чуть ли не в обморок попадали.

– Какие проститутки! Что вы такое говорите!

– Ваш сын вместе с его другом несколько месяцев назад открыли незаконный бизнес – подпольный бордель. Или вы об этом не знали?

– Нет. Не знали.

– Так знайте. Соседи в подъезде начали активно возмущаться, особенно старался один из них, некий Евстишенков Геннадий.

Вот теперь Стеша буквально приросла к месту. Пожелай ее сейчас сдвинуть, пришлось бы вызывать бульдозер. Ведь Евстишенков Геннадий – это и был тот тетушкин муж, тело которого лежало сейчас в морге и смерть которого так близко к сердцу приняла Стешина тетя. Значит, это о его убийстве идет речь? Значит, это Вадика обвиняют в убийстве Геннадия? Ах, до чего же правильно подсказало Стеше ее чутье!

И она стала слушать дальше.

– Этот человек – Геннадий сумел мобилизовать соседей, которые поднялись на борьбу за моральную чистоту в своем подъезде. Поднялся большой шум против вашего Вадика. Его друга и компаньона даже поколотили, молодой человек оказался в больнице, только недавно выписался. Разве Вадим вам ничего не рассказывал?

– Мы знаем, что Костя попал в больницу. Но его же сегодня утром выписали.

– И при чем тут соседи? Вадим говорил, что на Костю напали какие-то хулиганы.

– Это был акт устрашения. И совершили его люди, которых пригласил лично Евстишенков. После скандала вашему сыну и его другу пришлось прикрыть лавочку, бизнес их накрылся, девушки разбежались, клиенты не могли больше приходиться и оставлять в притоне свои деньги. Разумеется, потеряв легкий источник обогащения, ваши ребята затаили зло против главного виновника случившегося. И сегодня они совершили наезд на названного раньше Евстишенкова Геннадия. Пожилой мужчина вследствие полученных им множественных травм скончался на месте ДТП, не приходя в сознание.

Теперь в кабинете следователя наступила тишина. Молчала и Стеша, все еще подслушивающая у дверей кабинета.

А потом мать задержанного сказала:

– Этого не может быть. Вадим сегодня все утро провел дома. Я могу в этом поклясться!

– Хорошо. Он был дома. А его машина? Машины его сегодня на обычной стоянке во дворе дома не наблюдалось часов с десяти, это точно. Мои оперативники специально опросили ваших соседей. Они и все другие жильцы дома единодушно утверждают, что машины Вадика во дворе не было.

– Откуда им знать?

– У вашего сына есть неприятная черта, он оставляет свою машину на газоне, который находится непосредственно за той лавочкой, на которой любят собираться местные кумушки. Им такое соседство не особенно-то по вкусу. Своими колесами Вадим тревожит влажный грунт, оставляя вместо будущего газона кривые траншеи, которые смотрятся очень уродливо. У соседей уже было с ним несколько бесед, так что сегодня они с облегчением отметили, что Вадим наконец-то убрал свою машину куда-то в другое место.

– Он ее и убрал! Переставил на улицу! Машина теперь стоит с другой стороны дома на улице. И она там простояла не только все утро, но и весь сегодняшний день. И что вы слушаете всяких старых клуш!

– Как вы можете знать, стояла на улице машина вашего сына или не стояла, если окна вашей квартиры выходят во двор?

– А я выходила в магазин, – выкрутилась мамаша. – Выходила и видела нашу машину. Она стояла на том месте, где сынок ее вчера и поставил.

– Все утро и весь день стояла?

– Да!

– Вы лжете, и лжете глупо. Во-первых, машина вся покрыта свежей грязью.

– Забрызгало грязью от проезжающих мимо машин.

– С обеих сторон забрызгало? – не скрывая своего ехидства, поинтересовался следователь. – Это как же должно

брызгать, чтобы залить и справа, и слева? Нет, если бы машина стояла на месте, как вы говорите, грязным был бы лишь один ее бок. Но она покрыта грязью равномерно, за исключением регистрационных номеров. Они как раз читаются прекрасно.

Что-то в этой фразе царапнуло Стешу за живое. Что-то заставило зазвенеть внутри ее туго натянутые струны. Трень! Обратите внимание!

– Но кроме этого, у нас имеется запись камеры видеонаблюдения. Она четко зафиксировала белый «Форд» вашего сына на месте наезда. Весь наезд заснят на камеру. А это значит, что машина вашего сына никак не могла весь день и все утро простоять на месте стоянки. Ее кто-то брал. И велика вероятность, что брал ее именно ваш сын. А о том, что он провел все утро дома, вы мне лжете, желая выгородить своего сына и уберечь его от заслуженного наказания.

– А вы докажите, что я вру! Докажите, что Вадим выходил! Ничего у вас не выйдет!

– Презумпцию невиновности даже у нас в стране никто не отменял, – снова бросилась на защиту племянника и разноцветная тетушка.

– Сначала нужно доказать, что человек виновен, а потом его уже в этом обвинять!

– Да!

Следователь громко хмыкнул:

– У меня есть свидетели, которые могут подтвердить, что

ваш сын сегодня покидал свою квартиру. И было это как раз в то время, когда был совершен наезд на Геннадия Евстищенко. И я почти уверен, что за рулем машины сидел либо он, либо его дружок – Костя.

– Что вы говорите! Костя за рулем! Да мальчик еле ходит! Он страшно изувечен! Эти отморозки чуть было его не убили!

– У меня другая информация. В больницу Константин Филипчук поступил с травмами средней и легкой тяжести. Его даже не хотели оставлять в больнице, предлагали оказать ему на месте первую помощь, а затем отправляться домой и лечиться уже амбулаторно, но он настоял на том, чтобы остаться в стационаре. И более того, он провел в стационаре две недели, хотя нужно было всего два дня. И когда мои оперативники поинтересовались у него о причине такого поведения, он объяснил это тем, что не желал и дальше связываться с этой историей. Ваш сын жаждал реванша, строил планы, как отомстить противному старикашке, а Костя после полученных побоев стал очень благоразумным. Отговорить своего друга он не сумел, вот и тянул время, как только мог.

Мать Вадика вскрикнула:

– Я поняла! Это какой-то дикий заговор! Вы все сговорились, чтобы обвинить Вадика! Мальчик сидел дома!

– Выходил.

– Он никуда не ездил.

– Ездил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.